

Преподобный Симеон Новый Богослов. «Прииди, Свет истинный». Избранные гимны

Святого отца нашего Симеона мистическая молитва, в которой он призывает Святого Духа, созерцая его

[1].

Прииди, свет истинный!

Прииди, жизнь вечная!

Прииди, сокровенное таинство!

Прииди, безымянное сокровище!

Прииди, неизреченное могущество!

Прииди, непостижимое лицо!

Прииди, непрестанное ликование!

Прииди, невечерний свет!

Прииди, истинная надежда всех стремящихся к спасению!

Прииди, лежащих пробуждение!

Прииди, мертвых пробуждение!

Прииди, могущественный, всегда творящий, претворяющий и изменяющий все одним движением воли!

Прииди, невидимый, совершенно неосязаемый и неизведанный!

Прииди, всегда остающийся неподвижным и (вместе с тем) ежечасно весь движущийся, и приходящий к нам, лежащим в аду- Ты, Который выше всех небес!

Прииди, имя всегда желанное и везде повторяемое, хотя для нас совершенно невозможно сказать, кто Ты, и узнать, каков Ты или откуда Ты!

Прииди, радость вечная!

Прииди, венец неувядающий!

Прииди, порфира великого Бога и Царя нашего!

Прииди, пояс кристалловидный и усыпанный драгоценными камнями!

Прииди, подножие[2] неприступное!

Прииди, царская багряница и поистине самодержавная десница!

Прииди Ты, Которого возлюбила и любит несчастная моя душа!

Прииди Один к одному, ибо я одинок, как Ты видишь!

Прииди, отделивший меня от всех и сделавший одиноким на земле!

Прииди, Сам ставший во мне влечением и сделавший, чтобы я тосковал о Тебе, совершенно недоступном!

Прииди, дыхание мое и жизнь!

Прииди, утешение смиренной моей души!

Прииди, радость и слава и постоянное мое наслаждение!

Благодарю Тебя, что Ты — Сущий над всеми Бог — сделался со мной единым духом неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем во всем: пищей неизреченной и получаемой даром, постоянно переполняющий уста моей души и стремительно текущей в источнике сердца моего, одеждой блистающей и опаляющей демонов, очищением, омывающим меня бессмертными и святыми слезами, которые дарует Твое присутствие тем, к кому Ты приходишь.

Благодарю Тебя, что Ты стал для меня светом невечерним и солнцем священным — Ты, Который нигде не можешь скрыться и все наполняешь Твоей славой. Ибо никогда Ты ни от кого не скрывался, но мы всегда скрываемся от Тебя, не желая прийти к Тебе. Да и где Ты скроешься, нигде не имеющий места Твоего отдохновения? Или зачем бы Ты скрылся, не отвращающийся ни от кого, никем не пренебрегающий?

Итак, ныне вселись в меня, о Владыко, и обитай и пребывай во мне, рабе Твоем, неразлучно и нераздельно до смерти, о Благой, чтобы я и во время исхода моего(из жизни) и после исхода пребывал в Тебе, о Добрый, и соцарствовал с Тобой — Сущим над всеми Богом.

Останься, Владыко, и не оставь меня одного, чтобы враги мои, всегда стремящиеся поглотить душу мою, придя и найдя Тебя пребывающим во мне, убежали прочь, и чтобы они оказались бессильными против меня, увидев, что Ты, Всемогущий, живешь внутри (жизни), в доме смиренной моей души.

Да, Владыко! Как вспомнил Ты меня, когда я жил в мире, и Сам избрал меня, когда я (еще) не знал Тебя, отделив от мира и поставив перед лицом Твоей славы, так и теперь, обитая во мне, сохрани меня всегда стоящим внутри и неподвижным. Чтобы видя Тебя постоянно, я — мертвый — жил, и имея Тебя, я- всегда бедный — был богат и стал богаче всех царей, и вкушая и пия Тебя, и ежечасно облакаясь в Тебя, наслаждался неизреченными благами.

Ибо Ты — всякое благо, и всякая слава, и всякая сладость, и Тебе подобает слава — Святой и Единосущной и Животворящей Троице, Которую все верные в Отце и Сыне и Святом Духе почитают и познают, Которой поклоняются и служат всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] Эта молитва, в отличие от остальных гимнов, написана прозой.

[2] Букв. “обувь”.

Кто есть монах, и какое его делание, и на какую высоту созерцания взошел этот (Святой отец)

Монах есть тот, кто миру непричастен[2],

Кто говорит всегда с одним лишь Богом,

Кто, видя Бога, сам бывает видим,

Любя Его, он Им любим бывает

И, светом становясь, всегда сияет.

Монаха хвалят — все равно он нищий,

В дом приглашают — все равно он странник.

О дивное, невысказанное чудо!

Среди богатств безмерных — я нуждаюсь,

Владея многим — остаюсь я беден,

Среди обилья вод — томлюсь я жаждой.

Кто даст мне то, что я уже имею?

И где найду Того, Кого я вижу?

Как удержу Того, Кто в сердце дышит[3],

Но вне всего, Незримый, пребывает?

Имеяй уши слышати — да слышит[4],

Словам безумца с трепетом внимаю![5]

---

[1] Гимн написан двенадцатисложным ямбическим триметром. Здесь и далее первая цифра в скобках после заглавия гимна означает его порядковый номер по изданию Sources Chrétiennes; вторая цифра, после точки с запятой, означает порядковый номер гимна в русском переводе иером. Пантелеимона (Сергиев Посад, 1917).

[2] Букв. “не смешан с миром”.

[3] Букв. “Того, Кто внутри меня”.

[4] Ср. Мф. 11:15.

[5] Букв. “правильно понимая слова неграмотного”. Называя себя *agrammatos* (неграмотный, невежда, неуч), преп. Симеон подчеркивает свою непричастность “внешней” (мирской) учености.

Поучение к монахам, недавно отрекшимся от мира и от того, что в мире; а также о том, какую веру нужно иметь по отношению к своему (духовному) отцу (4;19)

Оставь весь мир и то, что в мире,
Лишь плач блаженный восприми,
Рыдай о злых твоих деяньях,
Ибо они тебя лишили
Христа — Творца и всех святых.
И кроме этого не думай
Ты ни о чем другом: забудь
О теле, как о чем-то чуждом,
И, глядя вниз, как осужденный,
Как на распятие ведомый,
Всегда из сердца воздыхай.
Лицо свое омой слезами,
Не оmyвай водою ноги,
Что на недоброе спешили,
Не протирай бесстыдно руки,
Но их согбенными держи,
Ведь ты в сей жизни не однажды
Употреблял их для греха.
Язык свой укрощать старайся,
Ведь он на грех весьма подвижен
И многих с доброго пути
Он сбил людей весьма великих,
Их царства Божия лишив.
Но если хочешь овладеть им,
То прежде уши загради:
Старайся никогда не слушать
Постыдных суетных речей,
А только слушай наставленья
Отца духовного. Как Богу,
Ему смиренно отвечай,
Свои все мысли исповедуй
И не скрывай дурных желаний.
Без воли старца твоего
Не смей ни спать, ни есть, ни пить,
Когда же все сие исполнишь,
Не думай много о себе,
Не мни, что подвиг совершил ты:
Хоть сеял ты в труде и поте,
Но не собрал еще плодов.
Не обольщайся и не думай,
Что ты заслуживаешь славы,
Пока внутри не приобрел
Очей души, пока слезами
Не оросил ты уши сердца,
От всякой скверны их оmyв,
Пока не начал ты духовно
Все видеть и духовно слышать,
Пола не стал ты изменяться

Всецело чувствами своими.
Ибо ты многое тогда
Неизреченное увидишь,
Еще же более услышишь -
То, перед чем язык немеет,
Перед чем бледнеют все слова.
Духовно слышать — это чудо,
Кто стал таким, о нуждах плоти
Не помышляет никогда:
Он по земле легко шагает,
Как бы по воздуху. Всегда
Он видит все до самых бездн,
В творения Божии вникая,
Творца он всюду узнает,
И, пораженный страхом, Бога
Он поклоняясь, прославляет.
Познать могущество Творца
Способен далеко не каждый,
Хоть многим кажется, что знают
Они о нем, но ты поверь мне -
Все заблуждаются они.
Об этом знают только те,
Кто просвещен небесным светом,
А остальные все — увы! -
В незнание полном оставаясь,
Омрачены ужасной тьмой,
Еще ужаснее, чем бесы.
О всех Творец, Господь и Бог!
Ты, из земли меня создавший
Живым и смертным существом,
Почтивший — смертного — бессмертьем,
Ты, даровавший мне способность
Жить, говорить, передвигаться
И прославлять Тебя, Творца,
Ты Сам, Владыко всех и Боже,
Дай мне несчастному просить
И умолять Тебя разумно.
Ведь я по истине не знаю
Никак пришел я в этот мир,
Ни в чем земных предметов сущность.
Я не могу сказать, о Боже,
Что — зрение мое, и что -
Предметы, видимые мною.
Осуетились мы, все люди,
И не способны мы иметь
Суждение здоровое об этом.
Вчера пришел я в этот мир
И завтра отойду отсюда,

А мню, что буду здесь всегда.
Всем говорю я, что Ты — Бог мой,
Однако каждый день делами
Я отрекаюсь от Тебя.
Учу, что Ты — Творец всего,
Однако всячески стараюсь
Иметь все вещи без Тебя.
Ты царствуешь над всей землею,
Над высотой и глубиной,
Один лишь я, не трепеща,
Тебе противиться пытаюсь.
Но я, бессильный и несчастный,
К Тебе взываю: помоги
Отвергнуть все души пороки,
Ведь сокрушают душу мне
Пустая гордость и надменность.
Дай руку помощи, Владыко,
Смиренье даруй и очисти
Души моей нечистоту!
Подай мне слезы покаянья.
Подай спасительные слезы,
Что для души всегда желанны,
Что очищают мрак ума,
Что вновь меня являют светлым,
Тебя стремящимся увидеть —
Свет мира, Свет очей моих -
Что омывают скверну сердца,
В котором множество пороков,
В котором скорбь и неприязнь
К тем, кто устроили мне ссылку^[2],
Сказать бы лучше — к господам,
Владыкам и друзьям моим.
За зло воздай им, о Христос мой,
Богатым вечным утешеньем,
Божественною благодатью,
Что уготовал Ты навек
Всем, кто Тебя душею жаждут,
Кто любят горячо Тебя!

---

^[1] Гимн написан двенадцатисложным ямбическим триметром.

^[2] Букв. “к тем, кто разыграли драму (спектакль) с моим изгнанием”. Речь идет о Стефане Никомидийском и других, которые добились изгнания преп. Симеона из монастыря св. Мамаса и его ссылки в Хрисополь.

Алфавит в двестишестидесяти, побуждающий и наставляющий на путь к совершенству жизни того, кто недавно удалился от мира (5;18)

Началом горячую веру имея,
От мира всегда со Христом удаляйся^[2].
Друзей избегай не встречайся с родными,
Ведь это полезно для новоначальных.

Земного лишившись, прииди к Неземному:
Никто, кроме Бога, тебе не поможет.
Отбросив всю робость и трусость отринув
(Ведь ты приступил к всемогущему Богу),
Имея надежду всецело на Бога
(Который заботится даже о птицах[3]),
Неси нетяжелое иго Господне[4],
О будущей помня великой награде.
То иго нас даром спасает от смерти,
Ведь все спасены мы божественной кровью,
Богами нас делает силою Божьей -
И в этом плоды воплощенья Владыки, -
Чтоб делом познал ты всех дел окончанье -
Того, Кто превыше всей видимой твари.
Полезно тебе отсекай свою волю -
Чрез это свидетелем совести[5] станешь.
Отца твоего исполняй повеленья -
Они тебя к верной направят дороге;
Хоть смерть угрожает, не смей прекословить:
Весьма велика высота послушанья,
Но Бог для тебя и такое соделал[6].
Считай себя худшим из всех и последним -
И в Царстве Небесном окажешься первым[7].
Считай себя странником, нищим, слугою -
И станешь велик, если это исполнишь.
Ты весь подражателем Господа будешь -
А что может быть выше этого в жизни?
Любого исправит сей плач ежедневный -
Он лучше воды и полезнее пищи.
Познанию истины он научает:
Того, что проходит и что пребывает, -
Но прежде от мира он всех удаляет.
В молчанье живи, сохраняющим это:
Оно отсекает бесплодные корни.
И память о смерти имей постоянно:
Она научает святому смиренью.
Очистившись сердцем, умом просветлившись -
О чудо, которого верные ищут! -
Божественный свет ты сподобишься видеть,
Как луч невещественный, посланный Богом.
Христос нам являет любви совершенство -
Кто ей обладает, тот богом бывает.
Кто ищет Христа, тех Христос просвещает.
Они только живы — никто не прельщайся!
О Божья любовь, что богов созидает!
Она есть Сам Бог[8] — изумительно это! -
Ее обрести нелегко и непросто.

---

[1] Написанный двенадцатисложным ямбическим триметром, настоящий гимн состоит из 24-х двустиший, в которых первый стих принадлежит Симеону, а второй дополнен кем-то из его учеников (возможно, Никитой). Алфавитный акростих — весьма распространенное в византийской поэзии явление. Алфавит понимался древними греками и византийцами как символ всеобъемлющего гармонического целого. “Алфавит” преп. Симеона представляет собой как бы “лестницу” духовного восхождения, состоящую из 24-х ступеней. Ср. тридцатиступенную “лестницу” преп. Иоанна Синайского.

[2] Букв. “Имея началом Христа и горячую веру, так удались от мира”.

[3] Ср. Мф. 10:29.

[4] Ср. Мф. 11:29-30.

[5] Или “мучеником совести”.

[6] Т.е. Иисус Христос, Бог воплотившийся, ради человека Сам пошел по пути послушания воле Своего Отца. Ср. Фил. 2:8.

[7] Ср. Мф. 19:30.

[8] Ср. 1 Ин. 4:16.

Четверостишия о любви к Богу (6;5)

Как Ты пламенем горящим
И водой живой бываешь?
Услаждая, как сжигаешь?
Как от тленья избавляешь?
Как нас делаешь богами,
Тьму в сиянье превращая?
Как из бездн людей выводидь,
Нас в нетленья облакая?
Как влечешь Ты тьму к рассвету?
Как Ты ночь рукою держидь?
Как Ты сердце озаряешь?
Как меня Ты изменяешь?
Как Ты приобщидь к смертным,
Сделав их сынами Бога?
Как без стрел пронзаешь сердце,
И оно горит любовью?
Как нас терпидь, как прощаешь,
По делам не воздавая?
Вне всего как пребываешь,
На дела людей взирая?
Оставаясь в отдаленье,
Как деянья всех объявидь?[2]
Дай рабам твоим терпенье,
Чтоб их скорби не объяли![3]

[1] Размер гимна — силлабо-тонический анакреонтический восьмисложник. В гимне встречаются рифмы (*blyzon — drosizon, exafanizeis — exafthartizeis*) и гомеотелевты (*elkeis — perilampeis — metaballeis*). Гимн переведен размером оригинала.

[2] Букв. “как видишь дела всех?”

[3] Букв. “чтобы не покрыла их скорбь”.

Моление Богу. И о том, как (Святой Симеон), соединяясь с Богом и видя Славу Божию, приходил в изумление (7;49)

Внутри поклоняюсь Тебе и в дали Тебя вижу,
В себе Тебя зрю и на небе Тебя созерцаю!
Но как приходит сие? Ты один только знаешь,
Сияющий в сердце, как солнце, в земном — неземное.
О Боже, сиянием славы меня озаривший,
Приведший меня к всесвятому отцу Симеону[2],
Рабу Твоему и апостолу, Сам воссияй мне
И Духом Святым научи меня петь ему гимны
Небесные, тайные, новые, древние, Боже![3]
Чтоб все чрез меня удивлялись премудрости Бога
И чтоб еще больше премудрость Твоя прославлялась,
И все, услышав, восхвалили Тебя, о Христе мой,
Ведь я на иных языках говорю в благодати.
Аминь, и да будет по воле Твоей, о Господь мой!
Болезную я и страдаю смиренной душою,
Когда в ней является свет Твой, сияющий ярко,
Любовь для меня непрестанной становится болью[4],
Страдает и плачет душа, потому что не в силах
Тебя я обнять и насытиться, столько желаю.
Но так как я вижу Тебя — мне и этого хватит,
Мне славой и счастьем и царским венцом это будет
Превыше всего, что желанно и сладостно в мире.
Подобным меня это ангелам Божьим покажет,
А может быть, большим их сделает, о мой Владыко!
Ведь Ты для бесплотных по сущности вовсе невидим,
Ведь Ты естеством неприступен, но я Тебя вижу,
И сущность природы Твоей со мною смешалась,
А обе они неразлучно в Тебе пребывают:
Природа есть сущность Твоя, как и сущность — природа[5].
Вкусив Твою плоть, приобщаюсь Твоей я природы[6],
А значит, и сущности, Боже, Твоей причащаюсь,
Наследником Бога и общником Божьим бывая.
И, будучи в плоти, являясь превыше бесплотных,
Я мню, что и сыном Твоим становлюсь, как сказал Ты,
Не духов бесплотных, но нас называя богами.
“Сказал Я: вы боги, Всевышнего все сыновья вы[7].
Ты Бог по природе, но сделался Ты человеком[8],
И тем, и другим неизменно, неслитно оставшись.
Я — смертный и тленный, но Ты меня богом соделал,
Как сына приняв и Твоей одарив благодатью,
Мне Духа Святого послал и, как Бог Всемогущий,
Природу и сущность таинственно слив воедино[9].

---

[1] Гимн написан пятнадцатисложным тоническим размером.

[2] Речь идет о преп. Симеоне Студите.

[3] Букв. “новые вместе и древние, божественные и сокровенные”. Преп. Симеон писал гимны в честь своего духовного отца еще до того, как он был признан святым. Это и было одним из пунктов обвинения, выдвинутого против него Стефаном Никомидийским. См. Vie 72-73.

[4] Букв. “любовь (*pothos*) называется у меня болью (*ponos*) и является таковой”.

[5] Преп. Симеон использует классические богословские термины *ousia* (сущность) и *fysis* (природа) в значении тождественных понятий.

[6] Ср. 2 Пет. 1:4 (естество = природа).

[7] Ср. Пс. 81:6.

[8] В некоторых рукописях есть строка, пропущенная в Patm.427 (XIV в.). Восстановив ее, получаем следующий текст: “Слава Твоему благоутробию и снисхождению, что, будучи Богом по природе, Ты стал человеком”.

[9] Букв. “соединив”.

О том, что ставший причастником Святого Духа, восхищаемый его светом, возносится над всеми страстями, не претерпевая вреда от приближения их (9;29)

О Бог и Господь Вседержитель!

Твоей красотой незримой

Насытиться сможет ли кто-то?

Твоей необъятностью, Боже,

Наполниться сможет ли кто-то?

Увидит ли кто-нибудь, Боже,

Лица Твоего сиянье,

Хотя бы ходил достойно

Во всех Твоих повеленьях?

Великое, страшное чудо,

Невозможное совершенно -

Живя в этом тяжком мире,

В этом страшном и мрачном мире,

Унести вместе с телом из мира.

О страшная, чудная тайна!

Кто превзошел свое тело?

Кто, превзойдя мрак тленья,

Оставил весь мир и скрылся?^[2]

О, как легковесно познать!

Как бедны все слова земные!

Ибо где человек тот скрылся,

Кто, пройдя этот мир, унесся

За пределы всего, что видим?

Скажи, о мудрость всех мудрых,

Отвергнутая, или лучше -

Обращенная Богом в безумье,

Как говорит всем нам Павел^[3]

И всякий служитель Божий

Этот “муж желаний духовных”^[4],

Приблизившись телом к телу,

Остается святым по духу.

Ибо вне этих тел, вне мира

Нет желания плотской страсти,

Но некое есть бесстрастье.

Кто бесстрастие сие возлюбит,

Через любовь тот жизнь получает.
И если бы даже ты видел.
Что ведет он себя недостойно
И к делам прибегает странным^[5],
Знай, что это земное тело
Совершенно он мертвым сделал -
Не без души , конечно,
Что приводит в движенье тело,
Но без злых похотений плоти.
А сладость святого бесстрастья
И свет, от него исходящий,
Что любит меня несказанно,
Приводя в исступление ум мой,
Восхищает его и держит
Обнаженным незримой рукою,
Никогда мне не позволяя
Отпасть от любви к сему свету
И помыслить о чем-либо страстно,
Но целует меня непрестанно.
И эта любовь и желанье
Мне душу воспламеняют,
И нет во мне чувства иного.
Насколько хлеб чистый и свежий
Дороже и слаще грязи,
Настолько и много больше
Все небесное выше земного
Для тех, кто его вкусили
Устыдись, мудрецов всех мудрость,
Лишенная истинных знаний,
Простота наших слов на деле
Настоящую мудрость содержит,
Что к Богу близка живому,
Непрестанно Тому поклоняясь,
От Кого мудрость жизни дается.
А я через эту премудрость
Возрождаюсь и богом бываю^[6],
Созерцая Бога во веки.

---

[1] Гимн написан двенадцатисложным ямбическим триметром. Центральная тема гимна — учение о бесстрастии, раскрываемое на примере некоего “мужа желаний духовных”, т.е., вероятно, преп. Симеона Студита.

[2] Букв. “Кто преступил преграду (стену) своей плоти? Кто, пройдя мрак тления и оставив весь мир, скрылся?” К этому стиху в рукописи Marcianus 494 (XIII в.) имеется схолия: “Отсюда становится ясно, что и сам пишущий сие отец был восхищен на небо вне тела, как это рассказано в другом месте” (SC 156, 23).

[3] Ср. 1 Кор. 1:20.

[4] Выражение “муж желаний” заимствовано из Ветхого Завета (Дан. 10:19). В богослужебных песнопениях Восточной Церкви это выражение встречается применительно к тому или иному святому. См., например,

службу св. Николаю (Миняя месячная за 6 декабря; вечерня; стихира на стиховне): “Человече Божий и верный рабе, слуго Господень, мужу желаний...”

[5] Букв. “Если бы ты даже видел, что он безобразничает и устремляется к (странным) действиям”.

[6] Букв. “воссоздаюсь и обоживаюсь”.

О том, что смерть, к сожалению, касается и весьма крепких (10; 57)

Услышав печальную весть, ужасаюсь!

Природа, подобная твердому камню,

Природа, что крепче гранита — погибла!^[2]

Кто жил, не боясь ни огня, ни железа,

Стал воску подобен, с металлом сплетенный^[3],

Я верю теперь, что и малая капля

Долбит постепенно в скале углубенье.

О, нет ничего неизменного в жизни!

И горе тому, кто на тленное смотрит,

Стремясь удержать скоротечные блага

И ими всегда на земле наслаждаться.

На опыте горьком он в том убедится,

В чем я убедился несчастный и жалкий.

Увы, разлучился я с братом сладчайшим,

Ведь ночь прервала свет любви неделимый!

---

[1] Кодер предполагает, что гимн посвящен преп. Симеону Студиту, скончавшемуся около 986-987 гг. Однако, поскольку герой гимна назван “сладчайшим братом”, такое предположение кажется маловероятным. Скорее, речь может идти об одном из монахов, друзей преп. Симеона Нового Богослова. Гимн написан двенадцатисложным ямбическим триметром.

[2] Букв. “Природа нематериальная, более крепкая, чем камень, равная так называемому адаманту, поддалась”.

[3] Букв. “будучи соплетен со свинцом”. Не указывает ли это выражение на какой-либо род насильственной смерти (от меча, от ножа)?

Здесь отец с изумлением рассказывает о том, как он видел Бога, подобно Апостолам Павлу и Стефану (11; 32)

Что за новое чудо совершается ныне?

Бог и ныне желает быть для грешников зримым -

Тот, Кто некогда, скрывшись, выше неба вознесся

И воссел на престоле пренебесном и Отчем.

Ибо скрылся от глаз Он всех апостолов Божьих,

И впоследствии только лишь Стефан, как мы знаем,

Видел небо отверстым и сказал: “Вижу Сына,

Что стоит одесную пребожествееной славы”.

А законники тотчас умертвили святого:

Он побит был камнями как хулу произнесший^[2].

По природе^[3] он умер, но живет он во веки.

Но ведь то был апостол, освящен был он Богом,

Преисполнен всецело он был Духа Святого,

Да к тому же все это было в самом начале

Христианской общины: чрез апостолов слово

Те, кто жили без веры, ко Христу приходили,
Вместе с верой обильно благодать получая.
Что же значит сегодня это странное дело,
Это страшное чудо, что во мне происходит?
О любовь к человеку, что теперь мне явилась!
О безмерная благодать, милосердия источник,
Еще более полный, чем тогда изливались!
Ибо многие люди спасены были Богом,
Но они или веру от себя привносили,
Или в добрых деяниях проявляли усердие.
Я же грешный, лишенный и деяний, и веры,
От рождения блудный, трепещу, ужасаюсь.
Понести не могу я то, что Бог мне являет,
Словом силы создавший все земные творенья.
Я страшусь и подумать, как же выражу словом?
Как рука все опишет или трость начертает?
Как поведает слово, как язык мой расскажет,
Как уста изрекут все, что я вижу сегодня,
Что во мне непрестанно целый день происходит?
Среди ночи глубокой, среди тьмы беспросветной
С изумленьем и страхом я Христа созерцаю.
Небеса отверзая, Он нисходит оттуда,
Со Отцом мне являясь и Божественным Духом.
Он один, но в трех Лицах, Три в единстве всецелом,
Трисвятое сиянье в трех Божественных солнцах.
Озаряет Он душу ярче солнца земного,
Просвещает Он светом помраченный мой разум.
Если б ум мой был зрячим, то всегда бы он видел,
Но поверьте, я слеп был — и не видел совсем я.
Потму в изумленье это чудо приводит,
Ибо Он отверзает мои умные очи,
Возвращает мне зренье и дает Себя видеть.
К тем, кто видят, Он приходит как свет среди света,
В светозарном сиянье все Его созерцают.
Ибо зрячие видят в свете Духа Святого,
Кто же Духа увидел, созерцает и Сына,
А кто Сына увидел, тот Отца созерцает^[4],
И отец вместе с Сыном созерцаем бывает.
Все сие, как сказал, я происходит со мною.
Несказанное чудо я едва понимаю.
Вдалеке созерцая красоту, что незрима
Из-за яркого света ослепительной славы,
Я весьма изумляюсь, весь объемлемый страхом,
Впрочем, вижу лишь каплю из безбрежного моря.
Но как капля являет всей воды целокупность
(Каковы ее свойства и как выглядит жидкость),
Как по краю одежды мы всю ткань представляем,
Как, согласно присловию, “по когтям видно зверя”,

Так и я, созерцая, вижу целое в малом
И Ему поклоняюсь — Самому Христу Богу.
Облегченьем же неким для рассудка служило
То, что я находился от огня в отдаленье,
Чтоб не быть опаленным и всецело сожженным,
Чтоб, как воск, не растаять от огня, — по пророку^[5].
Я стоял среди мрака весь окутанный тьмою,
Как сквозь скважину глядя голова не кружилась.
В этой тьме пребывая, ею ум занимая,
Но надеясь, однако, что смотрю я на небо,
И к огню приближаться не дерзая из страха,
Вдруг Того, Кого видел в отдаленье — нашел я,
Кого видел на небе Стефан — повстречал я.
Кого Павел, увидев, ослеплен был^[6] — нашел я,
Как огонь несказанный, в недрах сердца горящий.
Трепеща, ужасаясь, я пришел в исступленье
И не мог выносить я нестерпимую славу
В эту ночь ощущений несказанных и странных.
Став беспомощным, слабым, обратился я в бегство:
Скрывшись в помыслах разных, я в гробу поселился;
Привалив вместо камня это тяжкое тело^[7],
Я покрылся и скрылся в своих мыслях от Бога -
От Того, Кто когда-то, обретя меня мертвым
И в гробу погребенным, воскресил мою душу.
Я не в силах был видеть неприступную славу,
Потому предпочел я лучше в гроб опуститься
Обитать среди мертвых, пребывая вмогиле,
Чем огнем опалившись, совершенно погибнуть.
Сидя там, подобает мне рыдать непрестанно
И отом всегда плакать, что, любимого Бога
Потеряв, оказался я лежащим в могиле.
Но, живя под землю, как мертвец погребенный,
Жизнь нашел я, и Бога Жизнодавца обрел я.
А Ему подобает непрестанная слава,
Поклонение ныне и всегда и во веки.

---

[1] В этом гимне, написанном политическим пятнадцатисложником, преп. Симеон рассказывает об одном из своих мистических видений Божественного Света.

[2] Ср. Деян. 7:55-58.

[3] Букв. “по закону природы”.

[4] Ср. Ин. 14:9.

[5] Т.е. “согласно пророку (Давиду)”. Ср. Пс. 67:3.

[6] Ср. Деян. 9:3-9.

[7] Ср. Мф. 27:60. Комментируя этот стих, архиепископ Василий (Кривошеин) пишет: “Это все та же тема слабости человеческой природы, неспособной встретиться с Богом, усиленная еще платоновским представлением о теле как о могиле” (Преп. Симеон Новый Богослов, с.306).

Благодарение Богу за дары, которых (Святой Симеон) удостоился от него. И о том, что игуменство и священство страшно даже для ангелов (14; 30)

Хотел бы говорить я, о Владыко, но не в силах.
И что сказать посмею, оскверненный и нечистый
В делах и представлениях и мыслях всевозможных?
Однако уязвляюсь я душой, внутри пылаю,
Сказать желая нечто о Тебе, о мой Владыко.
Но вижу я всего себя, и Ты, мой Боже, знаешь,
Что части все души и тела я растлил грехами,
Грехом всецело сделавшись от самого рожденья.
Взирая на любовь Твою и милость к человеку,
На доброе, что для меня Ты делал ежедневно,
Я голоса лишаюсь и в отчаянье впадаю,
Скорблю и непрестанно сокрушаюсь я, несчастный,
О том, что недостоин я всех благ Твоих небесных.
Когда ж, придя в себя, я захочу умом помыслить
О множестве грехов моих, Христе, и злых деяньях,
О том, что в жизни доброго не сделал ничего я,
Но вместо наказания и праведного гнева,
Которые я должен понести, Тебя презревший,
Таких великих благ меня Ты ныне удостоил,-
Отчаиваюсь снова я и суд Твой представляю,
Ведь каждый день и час грехи к грехам я прилагаю.
Боюсь я, чтобы милости Твои и снисхожденье
Не стали для меня причиной больших наказаний,
Ведь, блага получая, остаюсь неблагодарным,
Как раб лукавый^[2] у Тебя, всещедрого Владыки.
Поэтому всему, что подавало мне терпенье,
Всему, что мне надежду жизни вечной доставляло,
Я радовался сильно, как о том один Ты знаешь,
Надеясь на любовь и благодать Твою, Владыко.
Для этого, Христе, Ты и взял меня от мира,
От сродников и братьев отделив и всех знакомых,
Чтоб мне помилованье дать, спасенье даровать мне.
Твоею благодатью наполняемый, имел я
И радость ненасытную и твердую надежду.
Об этих двух дарах Твоих не знаю, что сказать мне.
Они и ум, и душу, о мой Царь, лишают слова,
Все действия и мысли пресекая совершенно,
От избытка славы я испытываю тяжесть,
Желая отрешиться от всего, о мой Спаситель,
И ни о чем не говорить, и ничего не делать,
И ни к чему из этого совсем не прикасаться.
В себе я поражаюсь, удивляюсь и печалюсь,
Как при таких неизреченных тайнах согласился
Служить я, недостойный, совершая Литургию?

На них смотреть без страха даже ангелы не могут.
Пророки испугались, услышав о несказанном
Величии, о славе, о безмерном снисхожденье.
Апостолы, святители и мучеников лики
Взывают, вопиют, что не достойны дерзновенно
Рассказывать об этом всем, кто в мире пребывает.
Так как же я, погибший, как я, блудный, как, несчастный,
Игуменство воспринял над собратями моими?
Как сделался священником Божественнейших Таинств?
Служителем как стал Пречистой Троицы Небесной?
Когда кладем на дискос хлеб, вино вливая в чашу
Во имя Твоей Плоти, Слово, и Пречистой Крови,
Тогда Ты Сам бываешь там, о Боже мой и Слово,
Становится хлеб Телом, а вино — Пречистой Кровью,
Наитьем Духа Божьего и силою Владыки,
И мы дерзаем Бога неприступного касаться,
Живущего во свете совершенно неприступном^[3]
Не только для природы человеческой и тленной,
Но даже для бесплотных умных ангелов небесных.
А это сверхъестественное действие и дело,
Которое поставлен совершать я ежедневно,
Внушает мне всегда иметь о смерти помышленье.
Итак, оставив радость я опять впадаю в трепет,
Ведь знаю, что ни мне, ни остальным всем невозможно
Достойно Литургию совершать и, плоть имея,
Жизнь ангелов вести и даже быть бесплотных выше,-
Как слово открывает нам и истина являет,-
Чтоб к Богу ближе подойти, чем ангелам возможно,
Ведь мы касаемся руками и вкушаем Бога,
Они же только предстоят Ему с великим страхом.
А суд над братьями, пасти которых я назначен,
Какая вынесет душа? Какой же ум сумеет
Без осужденья каждого испытывать поступки
И все свое служенье проходить без послабленья,
При этом не впадая в осужденье нерадивых?
Мне кажется, никак то невозможно человеку!
Итак, я убеждаюсь, что намного было б лучше
Стать вновь учеником, быть воле одного послушным^[4],
Ему служить всегда и дать потом отчет за это,
Чем волям подчиняться многим и служить их нравам,
Исследовать намеренья, испытывать их мысли,
Вникая глубоко во все дела и помышленья,
Ведь и меня ждет суд, и отвечать за них я должен,
Кого пасти я избран Божьим изволеньем.
На том суде ответит каждый за свои поступки:
За то, что в этой жизни сделал доброе и злое,
А я один за каждого ответить буду должен!
Но как хочю помилованным быть, и как спастись мне,

Когда я даже для одной души своей ничтожной
Никак не в силах показать спасительного дела?
Поверь мне, не имею, что сказать, ведь я не сделал
Ни малого поступка, ни великого деянья,
Которе от вечного огня меня избавит.
О любящий людей и милосердный мой Спаситель!
О, дай мне, недостойному, божественную силу,
Чтоб вверенных мне братьев я сумел пасти разумно,
Их к пажитям ведя Твоих спасительных законов
И возводя к обителям Божественного Царства
Спасенными, сияющими дивной красотой
Благих и добрых дел; там поклониться удстой их
Святому Твоему и неприступному Престолу.
Меня же недостойного Ты восприми от мира,
Хотя я и ношу грехов безмерных раны!
И к ликам избранных Твоих какими-то судьбами
Меня, служителя и грешного раба, Владыко,
С моими вместе сопричти тогда учениками,
Чтоб видели мы все Твою Божественную славу.

[1] Как отмечает Кодер, гимн написан в период игуменства преп. Симеона в монастыре св. Мамаса (см. SC 156, р.75). Оригинальный размер — политический пятнадцатисложник.

[2] Ср. Мф. 25:26.

[3] Ср. 1 Тим. 6:16.

[4] Преп. Симеон вспоминает то время, когда он был послушником у преп. Симеона Студита.

О том, что одно только Божество желанно и вожделенно по природе, и для приобщившегося к нему оно бывает причастием благ (16; 7)

О, что за вещь, сокрытая
Для всякой тварной сущности?
И что за свет в уме моем
Ни для кого невидимый?
Что за богатство дивное,
Которое никто из нас
Не в силах на земле найти
И как-то удержать в себе?
Для всех неуловимое,
Для мира неместимое,
Оно всего прекраснее,
Вселенной всей желаннее,
И всех предметов видимых
Настолько вожделеннее,
Насколько Бог прекраснее
Всего, что в мире создал Он.
Любовь к Нему томит меня,
Но как Он мне не видится,
То весь внутри пылаю я
Горю я сердцем, разумом,

Вздыхаю непрестанно я,
Хожу, палимый жаждою,
И там, и здесь ищу Его,
И не могу нигде найти
Возлюбленного Господа.
Оглядываюсь часто я,
Пытаясь увидеть Его -
Желанного душе моей[2],
Господь же, как невидимый,
Совсем мне не является.
Когда же я рыдать начну
И плакать, как отчаянный,
Тогда Он весь мне видится
И зрит меня, Всевидящий.
Я в трепет прихожу тогда
И дивной красоте Его
Дивлюсь и поражаюсь вновь
Тому, как, небеса открыв,
Ко мне Творец склоняется
И славу несказанную
И чудную являет мне.
Не может ли кто более
Еще к Нему приблизиться?
И можно ль вознестись туда
К безмерной высоте Его?
Когда я размышляю так,
Он Сам внутри является,
Блестая в сердце немощном,
Меня Он озаряет вновь
Бессмертным сиянием,
Все органы телесные
Лучами освещая мне.
Всего меня объемлет Он,
Всего меня целует Он[3],
Себя же отдает всего
Мне, грешнику великому.
Любовью насыщаюсь я
Безмерной красотой Его,
Божественнейшей сладостью,
Блаженством наполняюсь я.
И света причащаюсь я,
И к славе приобщаюсь я,
Сияет все лицо мое,
Как Бога лик любимого[4],
Все органы телесные
Бывают светоносными.
Я, грешный, становлюсь в тот час
Красивее красивейших,

Богаче богатейших всех,
Сильнее силачей земли
И больше всех царей земных,
Гораздо благороднее,
Чем все, что в мире видим мы -
Земли, и что на ней живет,
И неба, и всего, что в нем.
Вселенной всей Создателя
Внутри себя имею я!
Ему же подобает честь,
Хвала и поклонение
Во веки бесконечные.

[1] Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

[2] Ср. Песн. 3:2; 5:6.

[3] Преп. Симеон часто пользуется “брачными”, “любовными” образами для выражения чувств пламенной любви к Богу, особенно при описаниях мистического союза с Богом.

[4] Ср. Исх. 34:29-30.

Учение с Богословием, где говорится о священстве и о бесстрастном созерцании (19; 38)

Как я поведаю, Владыко,
О чудесах Твоих великих?
Как словом выразить сумею
Твои таинственные судьбы?
Что совершаются над нами,
Твоими верными рабами?
Как презираешь Ты, Владыко,
Мои грехи и прегрешенья,
В вину не ставишь мне паденья
И злых деяний не вменяешь?
Но защищаешь и питаешь,
Животворишь и просвещаешь
Меня, поскольку я исполнил
Твои, Спаситель, повеленья.
Меня помиловал Ты, Боже,
И предстоять меня сподобил
Перед престолом благодати,
Пред славой, силой и величием.
Как говоришь со мной, презренным
И недостойным и бессильным,
Словами славы и бессмертья?
Как несказанно озаряешь
Мою истерзанную душу?
Как в свет божественный и чистый
Ее незримо превращаешь?
Как эти немощные руки,
Все оскверненные грехами,
Ты светоносными являешь?
Как Ты божественным блистаньем

Мои уста преображаешь,
Так что они из оскверненных
Вдруг превращаются в святые?
Как очищаешь Ты, Спаситель
Язык мой скверный и нечистый?
Как причаститься допускаешь
Твоей святой Пречистой Плоти?
Меня всегда везде Ты видишь,
Но как меня Ты удостоил
Тебя, о Боже мой, увидеть?
Руками как держать позволил
Тебя, Владыко Вседержитель,
Для всех небесных сил незримый,
Непостижимый, непрístupный
Для Боговидца Моисея?
Ни он, ни кто другой из смертных
Не удостоился увидеть
Твое Лицо, чтоб не погибнуть^[2].
Каким же образом, Христе мой,
Непостижимый, несказанный,
Для своей вселенной непрístupный,
Тебя держать я удостоен,
Вкушать и целовать и видеть?
Тебя всегда имея в сердце,
Я остаюсь неопалимым
И веселясь, и ужасаясь^[3],
Я воспеваю непрестанно
Твою любовь и милость к людям.
Так как же плотские, слепые,
Тебя не знающие люди,
своей не чувствуя болезни,
Свое являя помраченье
И всех небесных благ лишенье,
Безумно говорить дерзают:
“Какая польза человеку
В священстве, если он при этом
Ни вкусной пищи не имеет,
Ни ярким золотом не блещет,
Ни на епископском престоле
Не восседает дерзновенно?”^[4]
О помраченье! О безумье!
О ослепленье! О несчастье!
О вопиющее неверье!
О глупые земные речи!
О дерзкие слова и мысли!
О помышления Иуды!
Ибо как этот нечестивец,
На страшной Вечери сидящий,

Вменил ничто святое Тело
И предпочел немного денег^[5],
Так и они, предпочитая
Небесным и нетленным благам
Земные тленные богатства,
Души погибель избирают.
Ответьте, суетные люди:
Кто из людей, Христа имея,
Нуждаться будет в тленных благах
Земной и скоротечной жизни?
Кто благодать Святого Духа
Имея в сердце непрестанно,
Жилищем Троицы не станет,
Что просвещает, освящает
И скоро в бога превращает?
Кто богом сделавшись всецело
По дару Троицы Всевышней
И удостоившись небесной
И первою данной Божьей славы,
Захочет что-нибудь иное,
Чем совершенье Литургии
И созерцанье высочайшей,
Неизреченной, неприступной,
Все совершающей Природы?
Кто счел бы более блестящим
что-либо в этой краткой жизни,
В сравненье с благами той жизни,
Которой нет конца и края?
О, если б знал ты тайн глубины,
Не понуждал бы ты об этом
Писать и говорить открыто.
Я трепещу и ужасаюсь,
Стараясь выразить словами
И начертать пытаюсь тростью
То, что представить невозможно,
То, что для всех неизреченно.
О, если б ты Христа увидел
И получил Святого Духа
И через них к Отцу поднялся,
То знал бы ты, что говорю я,
О чем я рассказать пытаюсь:
Что велико и несказанно,
Что выше всякой славы, блеска,
Начальства, власти, обладанья,
Могущества, земного царства -
Во все дни жизни с чистым сердцем
Служить святую Литургию
Пречистой троице Небесной.

Не говори о том, что тело
Должно быть чистым и бесстрастным,
Не говори, чего не знаешь,
О чем понятия не имеешь,
Но лучше слушай, что Владыка
Через апостолов сказал нам,
Через Василия творенья,
Огнязычного святого[6],
Через писанья Златоуста[7],
Через Григория, который
Прекрасно говорит об этом[8].
Слова их слушай — и узнаешь,
Каким быть должен совершитель
Святой небесной Литургии,
Служащий Богу всей вселенной.
Когда узнаешь ты об этом,
Благоговейно удивишься
Величью сана иерея!
Не обольщайтесь, не дерзайте
И не пытайтесь прикоснуться
И приступить к Творцу вселенной,
Что неприступен по природе.
Ведь кто от мира не отрекся,
Кто не отверг всего, что в мире,
Души и тела не отринул,
Не умертвил земные чувства.
Не победил земных пристрастий,
Преодолев влеченье к миру,
К земным словам, делам, привычкам,
Кто слеп и глух не стал для мира,
Хотя и видя все земное,
Однако в сердце не впуская
Черты и образы предметов,
Хотя и слыша звуки мира,
Но оставаясь как бы камнем,
Бесчувственным и бездыханным,
Не вспоминая звуков речи,
Значенья слов не понимая -
Тот приносить не сможет чисто
Тому, Кто чист — живому Богу,
Бескровную, святую жертву.
Ибо почувствовав все это,
Познав на деле, он, конечно,
Отвергнет мир и все, что в мире,
И всем словам моим поверит.
Кто перешел тот темный воздух,
Который назван был стеною
Царем Давидом[9], а Отцами

Наименован “морем жизни”[\[10\]](#),
Кто в пристань тихую вступает,
Тот пристань тихую находит,
Ибо там рай, там древо жизни[\[11\]](#),
Там сладкий хлеб[\[12\]](#), вода живая[\[13\]](#),
Богатство Божьих дарований.
Там купина огнем пылает,
Всегда горя — и не сгорая[\[14\]](#),
Там обувь тотчас с ног спадает[\[15\]](#).
Там расступается пучина,
И я один иду по суху,
В воде врагов погибших видя[\[16\]](#).
Там созерцаю я то древо,
Которое ввергаясь в сердце,
Всю горечь в сладость претворяет[\[17\]](#).
Там я нашел скалу крутую,
Что вечно мед мне источает[\[18\]](#),
От скорби душу избавляя.
Там я нашел Христа-Владыку,
И поспешил за Ним я тотчас.
Там ел я манну — хлеб небесный[\[19\]](#),
И ничего земного больше
Не захотел вкушать и видеть.
Там видел жезл я Ааронов,
Что был сухим, но распустился,
Но вновь расцвел[\[20\]](#) — и удивился
Я чудесам великим Божьим.
Свою бесплодную там душу
Узрел я вновь плодоносящей,
Подобно дереву сухому,
Что плод прекраснейший приносит.
Там сердце грешное увидел
Я снова девственным и чистым,
И целомудренным и светлым.
Там слышал: “Радуйся во веки,
Ибо Господь всегда с тобою”![\[21\]](#)
Там слышал я “Иди омойся,
Очисти себя в купели плача”[\[22\]](#):
Так сделав, я прозрел внезапно.
Там чрез всецелое смиренье
В гробу себя похоронил я,
Но Сам Христос, придя с любовью,
Грехов моих тяжелый камень
От двери гроба отодвинул,
Сказав мне: “Выходи оттуда -
Из мира, как бы из пещеры”![\[23\]](#)
Там я увидел как бесстрастно
Страдал мой Бог и Искупитель,

Как умер, будучи бессмертным.
И как восстал, воскрес из гроба,
Печатей гроба не разрушив^[24].
Там я увидел жизнь иную -
Нетленную и неземную,
Которую Христос-Спаситель
Всем дарует, кто ищет Бога.
Там Царство Божие обрел я
Внутри себя — Отца и Сына
И Духа Божество святое
И нераздельное в трех Лицах.
Но недостойны наслажденья,
И радости, и благ, и славы
Все те, кто перед целым миром
Не оказали предпочтенье
Творцу и Господу вселенной,
Кто не сочли великой честью
Одно лишь поклоненье Богу,
Служенье пред Его престолом.
Небесных благ не приобщатся
Они, живя без покаянья,
Пока не смогут научиться
Тому, о чем мы говорили,
Пока не вкусят благ небесных,
Пока на деле не исполнят
Того, что Бог нам заповедал.
Но если этого достигнет
Кто-либо, и тогда со страхом,
С благоговением великим
Он должен к Богу прикоснуться,
Когда Сам Бог того захочет.
Служить святую Литургию
Достоин далеко не каждый,
Но только тот, кто благодати
Святого Духа приобщился,
Кто чист от скверны и порока.
Без позволения же от Бога,
Помимо Божьего избранья,
Что душу светом озаряет
И благодатью наполняет,
Что возжигает душу нашу
Огнем любви неугосимым,
Нельзя и крайне неразумно
Служить святую Литургию
И прикоснуться к страшным Тайнам,
Святым и неприкосновенным,
Которым слава подобает

И честь и поклоненье — ныне
И непрестанно и во веки.

---

[1] Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

[2] Ср. Исх. 33:20-23.

[3] Это выражение (слав. “радуясь вкупе и трепеща”) встречается в молитве “От скверных устен”, входящей в Последование ко Святому Причащению.

[4] В этих словах отражена полемика преп. Симеона с кем-то из его современников, неправильно судивших о священстве.

[5] Ср. мф. 26:14-16.

[6] “Трудно указать, на какой именно текст св. Василия ссылается Симеон: может быть, на Толкование пророка Исаии, гл.103 и 104” (SC 174, р.101).

[7] Св. Иоанн Златоуст является автором 6 Слово “О священстве”.

[8] “Слово, в котором Григорий оправдывает удаление свое в Понт” (Слово 3 св. Григория Богослова) посвящено теме священства.

[9] Ср. Пс. 17:30: “С Богом моим восхожу на стену”. В славянском переводе (“Богом моим преиду стену”), так же как и в Септуагинте, речь идет о прохождении “через” стену, о преодолении стены как некоей преграды.

[10] Выражение “море жизни” (слав. “житейское море”) встречается у Оригена, Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. авторов. Однако преп. Симеон здесь скорее всего имеет в виду литургический текст: “Житейское море воздвигаемое зря напастей бурею...” (ирмос канона 6 гласа).

[11] Ср. Быт. 2:8-9; Апок. 2:7. Отсюда начинается длинный ряд аллюзий на библейские тексты, в которых преп. Симеон находит отражение своего внутреннего опыта.

[12] Ср. Исх. 16 (рассказ о манне небесной).

[13] Ср. Числ. 20:8-11 (рассказ о Моисее, который извел воду из скалы).

[14] Ср. Исх. 3:2-4 (рассказ о Моисее, которому Бог явился в пламени горящего куста; слав. “неопалимая купина”).

[15] Ср. Исх. 3:5.

[16] Ср. Исх. 14:21-28 (повествование о Моисее, который провел народ по дну Чермного моря).

[17] Ср. Исх. 15:23-25 (рассказ о том, как Моисей превратил горькие воды Мерры в сладкие, бросив туда бревно).

[18] Ср. Втор. 32:13.

[19] Ср. Исх. 16.

[20] Ср. Числ. 17:2-8.

[21] Ср. Лк. 1:28 (слова ангела Богородице).

[22] Ср. Ин. 9:7 (слова Иисуса слепому).

[23] Ср. Ин. 11:38-44 (рассказ о воскрешении Лазаря).

[24] Ср. Мф. 27:66. Упоминание о “печатях” (слав. “знамения”) встречается в пасхальных богослужебных текстах. Ср. Пасхальный канон: “Сохранив цела знамения, Христе, воскресл еси от гроба” (песнь 6, тропарь).

Каким должен быть монах и какое его делание, какое преуспеяние и восхождение (27; 20)

Дворцом соделай дом души
Христу в жилище, всех Царю,
К Нему взывай, рыдай и плачь,
Вдыхай, колена приклоняй,
Коль скоро хочешь ты, монах,
Монахом истинным пребыть.
Тогда не будешь одинок[2]
Как пребывающий с Царем,

Но вместе с тем, подобно нам,
Ты одиноким будешь здесь
Как отделившийся от нас,
Как разлученный с миром сим.
Вот это все и есть монах!
Соединившись с Божеством,
Опять ты стал не одинок,
Ко всем святым ты сопричтен,
Чтоб вместе с ангелами жить,
Со всеми праведными быть,
Чтоб всех живущих в небесах
Стать сонаследником навек.
Так как же будешь одинок,
Гражданство неба получив,
Где светлый мучеников лик,
Где преподобных всех собор,
Где все апостолы живут,
Пророки, множество святых
И иерархов и отцов
И прочих праведных людей?
Но если в ком живет Христос,
То как же можно говорить,
Что он один и одинок?
Ведь пребывает со Христом
Сам Бог Отец и Дух Святой.
Так как же будет одинок
Тот, кто с Тремя соединен
Как бы с одним — ответьте мне?
Кто с Богом, тот не одинок,
Хотя бы он и жил один,
Хотя б в пустыне он сидел
Или в пещере пребывал.
А тот, кто Бога не обрел,
Кто не познал Его всего
И не воспринял Божество,
Тот не монах — о горе мне! -
Тот в самом деле одинок,
Отъединен и отделен
От Бога Слова своего.
Так пребываем порознь мы,
Друг с другом мы разлучены,
И, как сироты, мы одни,
Хотя и кажется нам всем,
Что будто вместе мы живем,
Друг друга видя каждый день
В собраньях множества людей.
Душой своей и телом мы
Между собой разлучены,

И смерть показывает нам,
Что это истинно вполне,
Ведь каждый смертью был лишен
Друзей и сродников своих,
И смерть забвение несет
Всех тех, кого мы любим здесь.
И сон, и ночь, и все дела
Единству нашему вредят.
Но кто чрез праведную жизнь
Всю келью в небо превратил,
Тот созерцает, сидя в ней,
Творца, и неба, и земли,
И поклоняется Ему.
Всегда со светом он живет
Незаходимым, неземным,
Не отлучаясь от Него
И никогда не отходя -
Ни днем, ни ночью, ни во сне,
Ни в пище или в питие,
Ни долго находясь в пути,
Ни место жительства сменив.
Но что живой, что мертвый — он
Во веки с Ним живет душой.
Как разлучаться муж с женой
Или невеста с женихом,
Когда они обручены
Друг другу раз и навсегда?
Как Тот, Кто дал закон — скажи -
Не станет соблюдать закон?
Кто людям некогда сказал:
“И будут двое в плоть одну”^[3] -
Как с ней не будет Он во век
Всецело Духом пребывать.
Жена вся в муже — муж в жене,
Душа вся в Боге — Бог в душе:
Соединяется Он с ней
И познается во святых.
Соединятся с Богом те,
Кто в покаянии живут,
Кто, очищая дом души
И удаляясь от других,
Ведут монашескую жизнь.
Они приемлют ум Христов^[4],
Уста нелживые, язык,
Которым с Богом говорят,
Всегда взывая: о Господь,
О Вседержитель и Отец,
О Царь, о всей земли Творец!

Их келья — небо, а они -
Как солнце, ибо в них живет
Незаходимый Божий свет[5],
Что просвещает всех людей,
Грядущих в мир[6], что светит всем
Рожденным свыше от Него[7].
В них ночи нет. — Но как же так?
- Я не могу тебе сказать.
Дрожу, когда пишу тебе
И, помышляя, трепещу.
Но объясню я как живут
Все те, что служат Богу здесь,
Его ища взамен всего
И находя всегда везде,
Его лишь любят одного,
С Ним сочетаются одним,
Ведут монашескую жизнь,
Как одинокие — с Одним,
Хотя и могут быть при том
Среди толпы людей чужих.
Они одни монахи суть,
Уединенные они —
Кто с Ним одни и в Нем одни,
Чей ум всецело обнажен
От мыслей суетных земных
И видит Бога одного,
Чей ум во свете укреплен,
Подобно колышку в стене
Или звезде на небесах -
Не знаю, с чем еще сравнить.
Но в кельях все они живут,
Как в светозарнейших дворцах,
Хотят на небе пребывать -
И пребывают там уже.
Отбрось сомненья и поверь!
Да, на земле они пока,
Земля удерживает их,
Но в свете вечности живут,
В котором ангельский собор
Живет и движется всегда,
Которым все укреплены
Престолов лики и господств,
Которым все восхищены
Начал, властей и сил чины[8].
Хотя Господь живет в святых,
Но и святые так же в Нем
Живут и движутся всегда[9]:
Ходя во свете Божества,

Ступают славно по земле,
Как небожителей чины.
Как Бога Вышнего сыны.
А после смерти все они
Богамы станут, и всегда -
О чудо! — С Богом будут жить,
Ведь Он есть Бог по естеству,
Они ж подобны все Ему,
И Он их всех усыновил^[10].
И только в том они Ему
Здесь уступают, что пока
Их тело держит на земле:
Они — увы! — Покрыты им,
Как заключенные в тюрьме^[11].
Хотя они и видят луч,
Чуть проникающий сквозь щель,
Само же солнце созерцать
Не могут, выйдя из тюрьмы,
И, широко раскрыв окно,
Не могут воздухом дышать^[12].
Все это их печалит здесь,
Ведь созерцать всего Христа
Они не могут, вместе с тем
Они и зрят Его всего!
Их огорчает, что нельзя
Совсем избавиться от уз
Земного тела, вместе с тем
Они свободны от страстей
И от пристрастий всех земных:
Освободившись от всего,
Они держимы лишь одним.
Кто пленник множества цепей,
Тот не надеется совсем
На волю выбраться из них.
А кто все цепи разорвал,
Но лишь одной еще держим,
Скорбит тот больше остальных,
Ту цепь пытаюсь разорвать,
Чтоб стать свободным навсегда,
Чтоб вечно в радости ходить,
Чтоб побежать скорей к Тому,
Кого всецело возлюбил,
К Кому так рвался из цепей^[13].
Так будем, братия, и мы
Искать Его лишь одного -
Кто может нас освободить
И разрешить от всяких уз.
Того возлюбим одного,

Чья красота пленяет ум,
И сердце в трепет приводя,
И душу уязвляя всю,
Чья слава, вознося к любви,
Соединяет с Богом всех,
Связав навеки с Ним одним.
О братья! Поспешим Ему
Любовь делами доказать!
Друзья! Восстанем поскорей
И быстро к Богу побежим!
Не говорите против нас,
Чтоб обольстить самих себя.
Не говорите, о друзья,
Что невозможно никому
Святого Духа воспринять!
Не говорите никогда
Что можно без Него спастись!
Не говорите никогда,
Что может человек любой
Святого Духа получить,
Не сознавая сам того!
Не говорите никогда,
Что Бог невидим для людей!
Не говорите. что они
Не могут свет Его узреть,
И что по нашим временам
Никак нельзя узреть тот свет^[14].
Ведь невозможным никогда
Все это не было, друзья:
Вполне возможно это тем.
Кто жаждет Бога всей душой,
Кто, жизнь святую проводя
И очищаясь от страстей,
Соделал чистым глаз ума.
Для остальных же грязь грехов
Бывает вечной слепотой,
Что там и здесь их отлучит
От света Божьего навек
И — не прельщайтесь! — в темноту
И в вечный огонь их отошлет.
Смотрите, братья, как красив
И как прекрасен наш Господь!
Не помрачайте разум свой,
На землю грешную смотря!
О, не заботьтесь о вещах
И об имуществе земном,
порабощаясь всей душой
Желанью почестей мирских

И оставляя этот свет,
Что жизнь нам вечную дает!
Придите, о друзья мои,
И вознесем все со мной -
Не телом тленным, но умом,
Смиренным сердцем и душой -
К Владыке доброму воззвав,
К щедролюбивому Отцу
И Богу, любящему всех!
И Он всегда услышит нас
И сразу милость нам подаст,
Себя откроет тотчас нам,
Явившись, словно ясный свет.
Зачем же, в лености живя
И праздно время проводя,
Покой телесный возлюбив,
Пустую суетную честь
Предпочитая благам тем,
Вы добродетельную жизнь
Зовете праздной и пустой?
Не обольщайтесь, о друзья,
Сие не так, отнюдь не так!
Но, как имеющие здесь
И жен, и братьев, и детей,
К деньгам и почестям стремясь,
Всегда насытиться хотят,
Так тот, кто кается, себя
Служенью Богу посвятив,
Всегда стараться должен он,
Всегда заботиться о том,
Чтоб покаяние его
И все служение его
Угодным было Божеству
И к совершенству привело.
Так, став для Господа родным,
Всецело слившись с Ним одним,
Лицом к лицу Его он зрит^[15]
И дерзновение к Нему
Он обретает в меру ту,
Насколько волю исполнять
Старался Бога своего.
Так пусть сподобит нас Господь
Его веленья исполнять
И милость Божью получить
Со всеми праведными здесь,
Насколько можно в жизни сей,
Ведь там всего Христа, всего
Святого Духа со Отцом

Мы восприимем навсегда,
На веки вечные. Аминь.

[1] Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

[2] Здесь и далее на протяжении всего гимна преп. Симеон использует однокоренные слова *monachos*(монах), *monos* (один, одинокий), *monazon* (одинокий, уединенный), *monazo* (уединяться), *тетопотенос*(отъединенный, отделенный). Передать эту игру слов в переводе не всегда удается.

[3] Быт. 2:24. Ср. Мф. 19:5.

[4] Ср. 1 Кор. 2:16.

[5] Ср. Мф. 5:16.

[6] Ср. Ин. 1:9.

[7] Ср. Ин. 3:3.

[8] Согласно трактату “О небесной иерархии”, приписываемому Дионисию Ареопагиту, все небесные бесплотные силы подразделяются на девять чинов: престолы, серафимы, херувимы, власти, силы, господства, начала, архангелы и ангелы.

[9] Ср. Деян. 17:28.

[10] Ср. Пс. 81:6; Ин. 10:34.

[11] Представление о теле как тюрьме души восходит к Платону (Кратил 400 с).

[12] Букв. “выглядывающая, не могут свободно смотреть на воздух”.

[13] Ср. Фил. 1:23.

[14] В этих строках сформулированы основные пункты полемики преп. Симеона с его оппонентами, которые утверждали, что: 1) воспринять ощутимо Святого Духа невозможно для человека в земной жизни; 2) это не обязательно для спасения; 3) человек получает благодать Святого Духа, не сознавая этого; 4) видение Бога в земной жизни невозможно; 5) созерцание Божественного Света невозможно.

[15] Ср. 1 Кор. 13:12.

Об умственном откровении действий Божественного света и об умственном и Божественном делании благочестивой жизни (28; 21)

Оставьте меня одного заключенным в келье,
Отпустите с одним человеколюбивым Богом,
Отойдите все, удалитесь, одного оставьте
Умереть пред лицом создавшего меня Бога!
Никто не стучитесь в дверь и не подавайте голос.
Друзья и родственники, забудьте ко мне дорогу[2].
Никто не отвлекайте насильно мою душу
От созерцанья доброго и прекрасного Владыки.
Никто не давайте мне пищу, питье не несите,
Ибо довольно для меня умереть пред Богом -
Богом милостивым, Богом человеколюбивым,
Сошедшим на землю, чтобы призвать и спасти грешных[3],
Чтобы в жизнь божественную вместе с Собой ввести их.
Не хочу я больше видеть света этого мира,
Не хочу видеть то, что в мире, даже само солнце.
Ибо я вижу Владыку моего, Царя вижу -
Того, Кто Сам есть свет[4] и создатель всякого света,
Вижу Источник всякого блага, вижу Причину,
Безначальное Начало, из Которого происходит,

Которым оживляется и насыщается все в мире.
Ибо по Его желанию все в бытие приходит,
Все становится видимым по Его мановенью,
По Его воле все кончается и исчезает.
Как же я, покинув Его, выйду из моей кельи?
Оставьте меня, я буду рыдать неутешно,
Оплакивать дни и ночи, потерянные мною,
Когда смотрел я на этот мир и на это солнце,
Смотрел на чувственный и мрачный свет этого мира.
Ибо свет мира сего не просвещает душу,
Без него обходяться, живя на земле, слепые,
Но после смерти они станут как зрячие ныне,
В этом свете и я, прельщаясь, всегда веселился,
А что есть еще иной свет — я никогда не думал,
Но ведь именно он есть жизнь, он — бытия причина:
И того, что уже есть, и того, что потом будет.
Я был как бы безбожник, не зная моего Бога,
Теперь же ,когда Он, по милости неизреченной,
Захотел стать видимым для меня и открылся,
Я увидел и узнал, что Он поистине Бог всех -
Бог, Которого никто из людей в этом мире не видел^[5],
Ибо Он существует вне мира, вне тьмы и света,
Вне воздуха и ума и всякого чувства,
Поэтому и я стал выше чувств, Его увидев.
Так позвольте мне вы, подвластные земным чувствам,
Не только запереть келью и внутри оставаться,
Но еще и яму под землей вырыть и в ней скрыться.
Пребывая там постоянно вне всего мира,
Видя бессмертного моего Творца и Владыку,
Я захочу умереть от любви, но не умру я!
Итак, какую же пользу я получил от мира?
И что приобретают теперь живущие в мире?
Поистине ничего! Но сходя во гроб нагими,
Они нагими и воскреснут, и осуждены будут
За то, что, оставив истинную жизнь и Свет мира,
Оставив Христа, — говорю, — они тьму возлюбили
И в ней предпочли ходить все не принявшие Света^[6] -
Света, Который неизреченно воссиял в мире,
Но мир не в силах Его вместить и не может видеть.
Поэтому отпустите меня, умоляю,
И оставьте одного — плакать и искать Бога,
Чтобы Он обильно был дарован мне и явился.
Ведь Он не только созерцается, бывая видим,
Но преподается, обитает и пребывает,
Будучи как бы неким сокровищем, в недре скрытым^[7].
Носящий его в себе радуется непрестанно,
И видящий его веселиться преизобильно,
Думая, что все видят его, хотя и скрыто.

Но оно незримо для всех и неприкосновенно:
Вор не может отнять его и разбойник — похитить^[8],
Даже если бы и убил того, кто его носит.
Пожелав отнять его, напрасно бы он трудился,
Если бы обыскал кошелек, обыскал одежду
И, пытаясь найти его, развязал пояс.
Даже распоров живот и внутренности ощупав,
Он все равно найти его и взять был бы не в силах.
Ибо оно невидимо, не держимо руками,
Не осязаемо, но осязаемо бывает!
Оно бывает держимо руками достойных -
Недостойные же все, прочь удалитесь отсюда! -
И оно лежит на ладони, как нечто — о чудо! -
Но и как не нечто^[9], ибо имени не имеет.
Будучи поражен и удержать его желая,
Я сжимаю руку и мню, что его имею,
Но оно ускользнуло, не держимое рукою!
Опечалившись, я разжал руки своей пальцы
И снова увидел в ней то, что и прежде в ней видел -
О странное таинство, о несказанное чудо!
Зачем же мы мечемся, обольщаясь напрасно?
Зачем стремимся к этому бесчувственному свету,
Будучи озарены разумом и умным чувством?^[10]
Зачем на материальное и тленное смотрим,
Имея нематериальную бессмертную душу?
Зачем, бесчувственные, всему этому дивимся,
Предпочитая, как слепцы, большой кусок железа
Или кучу теста малому золотому слитку
И драгоценной жемчужине^[11] как вещам бесценным,
И маленькое горчичное зерно^[12] не ищем,
Которое ценнее всего видимого мира
И превосходнее невидимых вещей и тварей?
Почему не отдаем за него все, что имеем?
Почему хотим жить его не приобретая?
Лучше, если можно, умереть многократно,
Чтоб это малое зерно приобрести, поверьте!
Горе тем, у кого оно не посеяно в сердце,
Ибо они всегда будут сильно алкать и жаждать!
Горе тем, у кого в душе оно не прорастает,
Ибо они будут наги, как деревья без листьев!
Горе не верящим слову Господа Иисуса,
Что оно становится деревом и пускает ветви!
Горе не старающимся чрез ума хранение
Возвращать это маленькое зерно ежедневно!
Ибо они всю жизнь будут трудиться напрасно,
Как тот раб, что свой талант неразумно зарыл в землю^[13]:
Одним из таких являюсь и я, живя беспечно.

Но, о нераздельное и неслитное Единство!^[14]
О Троица — Отец, Сын и Дух — Свет триипостасный!
О безначальная Власть и всех начал Начало,
Свет неименуемый, совершенно безымянный,
Но вместе с тем имеющий много имен различных!^[15]
О Свет все совершающий, о единая Слава,
О Начало, Владычество, Держава и Царство!
О Свет, в Котором сливаются воедино
Желание, выбор, воля и сила!
Помилуй меня, сжался надо мной, сокрушенным!
Ибо как не буду печалиться и сокрушаться,
Когда я такую Твою благодать, такую милость
Легкомысленно презирал, неразумный и жалкий,
Не желая исполнять заповеди Твои, Боже?
Но ныне умилосердись, ныне меня помилуй
И зажги ту теплоту сердца моего, Христе мой,
Которую погасил покой жалкой моей плоти,
Сон, неумеренность в вине, невоздержанность в пище.
Все это совсем погасило души моей пламя
И источник, изливающий слезы, иссушило.
Ведь теплота огонь, и огонь теплоту рождает,
А из обоих возгорается пламя — слез источник.
Пламя рождает потоки слез, а потоки — пламя:
И к тому, и к другому меня всегда возводило
Исполнение Твоих божественных повелений,
Соблюдение заповедей вместе с покаянием,
Что между настоящим и будущим меня ставит.
Когда же я вне всех видимых вещей оказался,
Я очень испугался, видя, откуда исторгнут.
Узрев в далеке будущее и поймать желая,
Я возгорелся огнем любви, и мало- по -малу
Этот огонь неизъяснимо превратился в пламя
Сначала лишь в уме моем, потом же и в сердце,
И пламя любви к Богу источало во мне слезы,
Доставляя вместе с ними несказанную сладость.
Итак, когда, уверенный, что пламя не погаснет,
Потому что оно горит хорошо, я забылся.
Безумно поработившись сну и сытости чрева
И больше употреблять вина себе позволив,
Досыта, но, конечно, не до пьяна напиваясь,
Тотчас угасла — о страшное чудо! — любовь в сердце,
Угасло пламя, которое небес достигало,
Которое, хотя и очень сильно внутри горело,
Не сжигало во мне вещества, подобного селу,
Находящегося в глубинах души, но — о чудо! -
Все это вещество всецело превращало в пламя,
И сено, соприкасаясь с огнем, не сгорало^[16],

Но скорее огонь, охватывая собой сено,
Соединялся с ним, сохранив его невредимым.
О сила Божьего огня, о действие чуда!
Разрушающий скалы и горы одним лишь страхом
Лица Твоего^[17], о Владыко, Христе мой и Боже,
Как Ты Божественной сущностью весь смешался с сеном,
Живущий во свете совершенно нестерпимом?
Как, оставшись неизменным и совсем неприступным,
Ты сохраняешь неопалимым вещество сена
И, сохраняя неизменным, все его изменяешь,
Так что это сено есть свет, хотя свет не ест сено?
И с сеном Ты, Свет, соединяешься неслитно,
А сено бывает как свет, изменившись неизменно.
Я не могу чудеса Твои покрыть молчаньем,
Я не в силах не говорить о Твоем снисхожденье,
О том, что Ты делал со мною, распутным и блудным,
О любви Твоей к людям и о безмерном богатстве
Не могу не рассказывать всем, о мой Испытатель!
Ибо хочу я, чтобы весь мир из него черпал
И чтобы никто лишенным его не оставался!
Но прежде, о Царь вселенной, воссияй во мне снова,
Вселись и просвети мою смиренную душу,
Покажи лицо Божества Твоего мне ясно
И невидимо весь мне явись, о мой Боже!
Ибо весь Ты не виден мне, хоть являешься весь Ты;
Неуловимый, Ты хочешь быть для меня уловимым,
Невместимый для всех, Ты становишься как бы малым
И в руках у меня и во устах моих, Боже^[18].
Ты видишься, как световидный сосец и сладость,
Ярко сияя и вращаясь, о страшная тайна!
Так дай мне Себя теперь, чтоб я насытился Тобою,
Чтоб я поцеловал Твою несказанную славу,
Чтоб я облобызал свет лица Твоего, Боже,
И наполнился ими и передал их всем прочим
И, умерев, пришел к Тебе, прославленный всецело.
От света Твоего став светом, Я Тебе предстану
И тогда от многих этих бедствий избавлюсь,
Освобожусь от страха, чтоб больше не изменяться.
Да, это дай мне, Владыко, да, это подари мне,
Ведь все прочее Ты мне, недостойному, дал даром,
А ведь это нужнее всего — это одно и нужно!
Ибо, хотя и ныне Ты видишься мне, Владыко,
Хотя и ныне Ты ко мне так милосерден,
И просвещаешь меня и таинственно учишь,
И покрываешь, и хранишь сильною Твоею рукою^[19],
И соприсутствуешь, и демонов прогоняешь,
И все подчиняешь мне, и все мне предоставляешь,
И наполняешь всеми благами, о мой Боже,

Но никакой пользы мне от этого не будет,
Если не дашь мне непостыдно пройти врата смерти,
Если не увидит, придя, князь тьмы Твою славу,
Сопребывающую мне, и не устыдится, мрачный,
И не будет опален Твоим неприступным светом,
А вместе с ним все противные силы ада
Не убегут, знак печати Твоей^[20] на мне увидев,
Я же не перейду, на благодать Твою надеясь,
Без трепета, не приближусь к Тебе, припадая,
То какая мне польза от всего того, что во мне бывает?
Никакой! но это зажжет для меня огонь посильнее.
Надеясь причаститься Твоих благ и славы
И рабом Твоим стать и другом, о Христе мой,
Я могу всего сразу и Тебя Самого лишиться.
Как эта скорбь не будет для меня намного хуже,
Чем для неверных, которые Тебя не познали
И не видели сияющего Твоего света
И не насытились Твоей сладостью несказанной?
Если же этот залог мне получить придется,
Те награды и почести воспринять, о Спаситель,
Которые уверовавшим в Тебя обещал Ты,
То и я тогда буду блажен, Тебя восхваляю я -
Отца и Сына и Святого Духа,
Единого воистину Бога во веки!

[1] Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

[2] Букв. “не посещайте меня”.

[3] Ср. Мф. 9:13.

[4] Ср. Ин. 8:12; 9:5.

[5] Ср. Ин. 1:18; 1 Тим. 6:16.

[6] Ср. Ин. 3:19-21.

[7] Ср. Мф. 13:44 (притча о сокровище).

[8] Ср. Мф. 6:19-20.

[9] “Неосвязаемо, но осязаемо”; “как нечто, но и как не нечто”: оксимороны, выражающие трансцендентность Бога.

[10] “Умное чувство” — способность ума отличать истинное от ложного, небесное от земного, чувственное от мысленного (своего рода “духовная интуиция”).

[11] Ср. Мф. 13:45-46 (притча о купце и жемчужине).

[12] Ср. Мф. 13:31-32 (притча о горчичном зерне).

[13] Ср. Мф. 25:18 (притча о талантах).

[14] Букв. “Единица”, “Монада” (*monas*).

[15] Букв. “О Свет неименуемый как совершенно безымянный, (но) имеющий много имен!” Ср. *Дионисий Ареопагит*. О Божественных именах 1,6: “...богословы воспевают Его и как безымянного, и как сообразного всякому имени”.

[16] Ср. Исх.3:2. Говоря о “сенообразном веществе”, преп. Симеон подчеркивает немощь человеческого естества перед лицом Бога.

[17] Ср. Пс. 96:5; Пс. 67:9, и др.

[18] Очевидно, речь идет о таинстве Причащения.

[19] Ср. Исх. 33:22.

[20] Ср. Апок. 9:4.

О том, что все Святые, будучи озаряемы, просвещаются и видят славу Божию, насколько возможно человеческой природе видеть Бога (35; 16)

С высоты взгляни, мой Боже,
Мне, убогому, откройся
И со мною беседуй.
Покажи мне, Боже, свет Твой,
Предо мной раскрой Ты небо,
Или лучше ум открой мне,
Внутри меня войди теперь же!
Говори, как прежде, Боже,
Чрез язык мой оскверненный,
Против тех, кто утверждают,
Будто в нынешнее время
Нет такого человека,
Кто б разумно видел Бога,
Да и прежде не бывало
Никого, за исключением
Лишь апостолов Господних.
Эти люди ныне учат,
Что апостолы увидеть
Не могли, конечно, ясно
Твоего Отца и Бога,
Ибо Он для всех неведом
И невидим совершенно.
Эти люди вспоминают
Изречение Иоанна
Столь любимого Тобою,
Говорящего, что Бога
Никогда никто не видел[2].
Тек ответь скорей, Христе мой,
Чтоб слова мои невеждам
Не казались болтовнею.
“Запиши, — сказал Он тотчас, -
То, что буду говорить Я.
Запиши и не смущайся.
Я был Богом безначальным
Прежде дней, времен, столетий,
Прежде всех тысячелетий,
Прежде видимых творений
И духовных всех созданий[3].
Выше разума и слова,
Выше всяких представлений
Я один с Одним был вместе,
Я один, а из творений
Никого со мною рядом

(Ни телесных , ни духовных[4]).
Я был прежде, чем родился[5],
Я один был несозданный
Со Отцом Моим и Духом.
Я один есмь безначальный
От Отца, что не имеет
Ни начала, ни причины.
И из ангелов Господних,
Из архангелов бесплотных
И других чинов небесных
Никогда никто не видел
Сущность Божью и природу,
Не узнал никто, каков Я,
Всех Господь и всех Создатель,
Но они способны видеть
Только малый отблеск света,
Только луч небесной славы -
И к обоженью стремятся.
Словно зеркало, в котором
Солнца луч отобразился,
Словно камень драгоценный
Кристаллической породы,
Освещенный солнцем в полдень,
Так они воспринимают
Луч Божественных блистаний.
А всего Меня увидеть
Не сподобился во веки
Ни один из земнородных
И никто из сил бесплотных.
Вне всего Я пребываю,
Остаюсь для всех невидим.
Не даю Себя Я видеть
Не из зависти, конечно,
И совсем не по причине,
Будто Я не так прекрасен[6],
Но невидим для людей Я
И для ангелов небесных
Потому, что нет достойных
Среди них Меня увидеть,
Потому что невозможно
И немислимо для твари
Стать Творцу равновеликой -
Это ей и не полезно.
Но, однако, те, кто видят
Даже малый отблеск света,
Узнают и постигают,
Что Я есть на самом деле
И что Я привел их к жизни.

Все они поют Мне гимны
И служенье воссылают”.
Потому что невозможно,
Чтобы создал Бог природу,
Равносильную Ему же,
Однородную с Владыкой,
Ведь никак нельзя творенью
Быть Творцу единосущным,
Ибо как создание сможет
Уравняться с Несозданным?
Если это признаешь ты,
То признай и то, что твари
Бесконечно ниже Бога,
Ибо Он живет во веки -
Безначальный и Нетварный -
А созданыя точно так же
Отличаются от Бога,
Как пила или телега
От того, кто смастерил их.
Но телега разве сможет
Знать того, кто ею правит,
И пила сумеет разве
Понимать, кто ею движет[7],
Если мастер в них не вложит
Зренья, знанья, пониманья,
Что, конечно, невозможно
Для подобных им созданий?
Да, никто из человеков
И из ангелов небесных
Не имеет власть такую,
Чтобы жизнь давать кому-то
Или дух животворящий[8].
Лишь Господь, Источник жизни,
Обладает полной властью
И могуществом великим:
Он один лишь производит
Существа, какие хочет,
Он их всех одушевляет.
И дает Он всем созданьям,
Как Художник, как Владыка,
То, что хочет и изволит.
Богу слава и держава
Ныне, присно и во веки.

[1] В этом гимне преп. Симеон использует форму диалога с Богом. Гимн написан анакреонтическим восьмисложником и переведен размером оригинала.

[2] Ср. Ин.1:18; 1 Ин.4:12.

[3] Букв. “прежде всех творений видимых и умопостигаемых”.

[4] Букв. “ни видимых, ни невидимых”.

[5] Т.е. существовал как Бог прежде, чем родился как человек. Ср. Ин. 8:58.

[6] Букв. “некрасив”.

[7] Ср. Ин. 10:15.

[8] Букв. “давать другим дух и подавать им жизнь”. Ср. Быт. 2:7.

Изъявление благодарности за Божьи дары. И как пишуший это отец испытывал на себе действия Святого Духа. И поучение, изреченное от лица Бога, о том, что нужно делать, чтобы получить спасение спасающихся (40; 13)

Опять мне ясно светит свет, опять его я вижу,
Он отверзает небеса и ночь уничтожает,
Опять является он мне, его я созерцаю.
Меня он ставит вне всего, что видимо и зримо,
И отделяет от того, что чувством ощутимо.
Опять Превысший всех небес, Превысший всей вселенной,
Кого не видел никогда никто [2] из земнородных,
Не разверзая небеса, не разгоняя ночи,
Не разрывая воздух и не разбирая крышу,
Со мною пребывает весь, и немощным, и жалким,
Внутри жилища моего, внутри ума и сердца.
О чудо страшное! Когда как есть все остается,
Ко мне нисходит свет с небес и выше всех возносит:
Я, находясь среди всего, вдруг вне всего поставлен,
Не знаю — в теле, или нет [3] — но там я пребываю,
Где светит свет один простой, который созерцая
Я тоже становлюсь простым незлобивым и кротким.
Так необычны все дела чудес Твоих, Христе мой,
Так сила действует Твоя, любовь и состраданье,
Что изливаешь Ты на нас, всецело недостойных.
Вот почему объемлет страх меня, и трепещу я,
И беспокоюсь я всегда и сильно сокрушаюсь
О том, что нечем мне воздать и нечем отплатить мне
За столь великие дары любви и милосердия,
За столь безмерные дары, что на меня излил Ты.
Не находя же ничего в себе и сознавая,
Что в этой жизни своего я вовсе не имею,
Но все Тебе служить должно, все — рук Твоих создание,
Еще я более стыжусь, терзаясь, о Спаситель,
И знать желая — как мне быть, что делать, чтоб спастись мне.
Чтоб послужить и угодить Тебе, о мой Спаситель,
Чтоб в судный день перед Тобой предстать неосужденным [4].
“Послушай всякий, кто спастись поистине желает,
И прежде всех послушай ты, Меня о том спросивший!
Считай, что ныне умер ты, что ныне ты отрекся,
Что ты сегодня этот мир покинул совершенно,
Оставив сродников, друзей и суетную славу,
Отбрось заботу о земных и низменных предметах,
На плечи крест свой возложи [5] и привяжи покрепче,

И до конца переноси труды всех искушений,
Болезни всяческих скорбей и гвозди всех печалей,
Все это с радостью носи, как славы увенчанье.
Всегда пронзаемый насквозь бесчестий острями
И побиваемый во дни камнями оскорблений,
Кровавых слез пролив поток, ты мучеником станешь,
И, с благодарностью терпя насмешки и удары.
Причастен будешь ты Моим и Божеству, и славе.
Когда покажешь ты себя из всех людей последним
И всех рабом, и всем слугой, то, как и обещал Я,
Поставлю первым Я тебя среди всех живущих в мире^[6].
Когда возлюбишь всех врагов, что зла тебе желают,
За ненавидящих тебя всегда молиться будешь
И обижающим добро по силе будешь делать,
Тогда Всевышнему Отцу ты станешь весь подобен^[7]
И, сердце чистое стяжав, ты в нем увидешь Бога^[8],
Кого не видел никогда никто^[9] из земнородных!
Когда гоненья претерпеть сподобишься за правду,
То радуйся и веселись — твоим ведь стало Царство^[10].
А что превыше может быть? Итак, все это делай,
И все, что заповедал Я, ты исполнять старайся,
И тех, кто верует в Меня, учи всегда тому же -
И вы спасетесь и со Мной навеки водворитесь!
А кто отрекся от Меня и от Моих законов,
И кто позором для себя считает и бесчестьем
Страдать и душу положить за заповеди Божьи,
Зачем стремитесь вы узнать, как нужно вам спастись
И чрез какие вам дела со Мною подружиться?
Зачем и Господом Меня зовете вы напрасно?^[11]
Зачем считаете себя вы верящими в Бога?
Ведь ради вас Я претерпел все это добровольно:
Распят был, умер на кресте, к злодеям был причислен^[12].
Но все страдания Мои и все, что претерпел Я,
Для мира стали навсегда величием и славой,
Сияньем, жизнью без конца и воскресеньем мертвых;
Для всех, кто верует в Меня, они хвалою стали.
Моя позорнейшая смерть спасла от смерти верных,
Одеждою бессмертья став, обоженья одеждой.
Итак, кто в жизни подражал Моим честным страданьям,
Те Моего все Божества участниками станут,
Святого Царства Моего наследниками будут,
Небесных несказанных благ всецело приобщатся,
Со Мною будут пребывать во веки и в век века“.
Об остальных же кто из нас не станет горько плакать?
Кто слезы не прольет о них от жалости сердечной?
Бесчувствие людей таких кто скорбно не оплачет?
Ведь все они, оставив жизнь, от Бога оторвавшись,
Ужасным образом себя на гибель обрекают!

От участи такой избавь меня, Господь вселенной,
И приобщи меня к Твоим страданиям непорочным,
Чтоб мне, последнему из всех, и к славе приобщиться,
И к наслажденью благ Твоих, как Сам сказал Ты, Боже,
Чтоб я познал Тебя сейчас хотя бы лишь отчасти,
Как через тусклое стекло, гадательно, неполно,
Тогда же полностью познал, как я Тобою познан!^[13]

---

[1] В гимне описывается беседа с Богом в состоянии восхищения (экстаза). гимн написан политическим пятнадцатисложником.

[2] Ср. Ин. 1:18.

[3] Ср. 2 Кор. 2:12.

[4] Ср. 2 Кор. 5:10.

[5] Ср. Мф. 16:24; Мр. 8:34. Отсюда начинается ряд аллюзий на евангельские тексты, из которых по преимуществу состоит вся речь Христа в гимне.

[6] Ср. Мф. 20:27; Мр. 9:35.

[7] Ср. Мр. 5:44.

[8] Ср. Мф. 5:10.

[9] Ср. Ин. 1:18.

[10] Ср. Мф. 5:10-12.

[11] Ср. Мф. 7:21.

[12] Ср. Мр. 15:28.

[13] Ср. 1 Кор. 13:12.

О том, что те, которые уже здесь через причастие Святого Духа соединились с Богом, будут и после смерти пребывать с ним. С теми же, которые не таковы, произойдет противоположное (42; 14)

Начало жизни для меня — конец,
Кончина жизни для меня — начало,
Не знаю я, откуда прихожу,
Где нахожусь, куда пойду — не знаю.
Я, как земля, рождаюсь от земли^[2],
Как прах от праха^[3], будучи, конечно,
От тленья — тленным и всецело смертным.
Немного дней живу я на земле
И умираю — ухожу из жизни
В иную жизнь. Я оставляю тело,
Но знаю, что оно воскреснет вновь^[4]
И будет жить во веки, бесконечно.
Мой Боже! На меня теперь взгляни
И сжапись надо мною и помилуй.
Вот, силы уж оставили меня,
Приблизился я к старости и смерти.
Идет князь мира, чтобы испытать
Дела мои дурные и пороки.
Предстали палачи — схватить хотят
Они мою истерзанную душу

И в бездны ада за собой увлечь.
Так поспеши, всемилостивый Боже,
Благоутробный, сжался надо мною,
Грехов моих теперь не вспоминай
И не оставь меня. Не дай погибнуть
От рук врага, который ежечасно
Мне угрожает, скрежеща зубами
И говоря: “На что ты уповаешь?
Не избежать тебе моих сетей!
Ты раньше презирал мои законы
И за Христом старался ты идти,
Теперь же ты в моих руках, ничтожный,
И от меня теперь ты не уйдешь:
Не выпущу из рук мою добычу!
Адама с Евой выгнал я из рая[5],
Я сделал Каина братоубийцей[6],
Я многих обманул и обольстил,
Ввел в заблуждение, соблазнил на грех -
И род людской погиб в волнах потопа[7].
Царя Давида хитро я увлек
К прелюбодейству, а затем к убийству[8].
И всем святым я объявил войну,
И многих погубил и уничтожил.
Так ты ли, жалкий, думаешь спастись
От рук моих и избежать расправы?“
Владыко, Судия, Творец и Бог,
Души и тела моего Создатель!
Когда такие слышу я слова,
Я трепещу, дрожу и ужасаюсь.
Я горько плачу пред Тобой, Христе,
А он, злодей, опять меня пугает:
“Ты не постишься, не творишь поклонов,
Не совершаешь ты ночные бденья,
Не молишься и не несешь трудов,
Которые ты в молодости начал.
За это разлучу тебя с Христом,
Возьму с собой в огонь неугасимый“.
Но, Господи, Владыко, Ты же знаешь -
Я не надеюсь на свои дела
И не в трудах спасенье полагаю,
Но прибегаю я к Твоей любви,
На милосердие Твое надеюсь
И жду, что даром — без моих заслуг
Меня спасешь, как некогда блудницу[9],
Как сына блудного, что в отчий дом
Вернулся со словами: “согрешил я“[10].
Вот с этой верой я к Тебе пришел,
Вот с этим упованьем прибежал я,

С надеждой этой приступил к Тебе.
Так пусть не хвалится теперь, Владыко,
Лукавый князь и пусть не говорит:
“Где твой Христос? Где ныне твой Заступник?
Он Сам мне в руки отдает тебя”.
Ведь если в плен меня возьмет лукавый,
Он не припишет это моему
Пренебрежению или нерадению,
Но на Тебя все свалит, будто
Ты меня оставил. И опять он скажет:
“Смотри, смотри, на что ты уповал!
Смотри, к кому ты приступил, безумный,
Смотри, о Ком ты думал, что тебя
Он любит, как наследника и брата,
Как друга, сына. Посмотри, ведь Он
Уже давно тебя оставил, бросил
И предал мне, Он изменил тебе!
Смотри — твой Бог тебя возненавидел!”
Ты слышишь, Боже, не оставь меня,
Не допусти погибнуть мне, о Царь мой.
Изведший некогда меня из тьмы,
Из пасти дьявола освободивший,
Внезапно Сам поставивший меня
В Твоем небесном, несказанном свете^[11].
Спаситель! Снова вижу я Тебя,
И сердце вновь уязвлено любовью,
И не могу я на Тебя смотреть,
Но не смотреть мне тоже невозможно.
Тебя не видеть, Боже, не могу,
С Тобой разлуки вынести не в силах!
Ведь неприступна красота Твоя,
Прекрасен облик, слава несказанна.
Кто из людей мог созерцать Тебя?
Кто мог когда-либо увидеть Бога?^[12]
Чей глаз способен Бога опознать?
Чей ум — постичь Того, Кто выше всех,
Кто всю вселенную рукой содержит,
Кто Сам есть Все, но Сам и вне всего,
Кто космос весь собою наполняет^[13],
Но вместе с тем — опять скажу я — вне
Таинственно живет и существует.
Однако вижу я Тебя, как солнце,
Тебя я созерцаю, как звезду,
Тебя ношу я в сердце непрестанно,
Как дорогой сияющий алмаз,
Смотрю я на Тебя, как на светильник,
Горящий ярко в глубине сосуда.

И вместе с тем я чувствую, что Ты
Всего Себя не хочешь открывать мне,
Меня всего не делаешь Ты светом
И не могу во всей я полноте
Познать Твое величие и славу.
Поэтому мне кажется, что вовсе
Внутри себя я не имею жизни,
А жизнь моя есть Ты. Я горько плачу,
Рыдаю безнадежно, как богач,
Который вдруг стал нищим и бесславным.
Увидев это, враг мне говорит:
“Ты не спасешься, ты отпал от Бога,
Опять ошибся ты в своих надеждах.
И к Богу доступ для тебя закрыт”.
Не отвечая дьяволу ни слова,
Я дунул на него — и он исчез^[14].
Итак, прошу Тебя и умоляю:
Будь снисходителен ко мне, Спаситель,
В тот страшный час, когда душа
Навеки будет с телом разлучаться,
Чтобы врагов, бегущих на меня,
Я посрамил одним лишь дуновеньем,
Чтоб, защищенный светом Божества,
Я перешел бы, целый-невредимый,
И стал бы пред судилищем Твоим,
Божественную благодать имея
Внутри, которая меня, Христе,
Спасает, делая неуязвимым.
Кто дерзнет явиться пред Тобой,
Не облеченный благодатью этой?
Кто сможет видеть славу Божества,
Не просвещенный свыше благодатью?
Как может видеть Бога человек?
Как может наша низкая природа
Уразуметь природу Божества?
Бог — несозданный, мы — Его создання,
Нетленен Он, мы — тление и прах.
Он — Дух, Который выше всех бесплотных,
Творец небесных духов и Господь,
А мы — тела земные и простые.
Он — вечный и божественный Творец,
А мы — лишь черви, прах и пепел.
И кто из нас увидеть Бога смог бы,
Когда бы Сам Господь не ниспослал
Нам Своего Божественного Духа,
Который нашей немощной природе,
Дает такую крепость, силу, мощь,
Что человека делает земного

Способным видеть славу Божества.
Ибо никак иначе невозможно
Узреть Его, грядущего во славе.
Так будут грешные навек отделены
От праведных, нечистые — от чистых.
Все, кто при жизни света не имели,
Покроются навеки черной тьмой.
А те, кто с Богом в жизни пребывали,
В тот час навеки с Ним соединятся
И никогда не будут лишены
Общения таинственного с Богом.
Но те, кто в жизнь иную отошли
Лишенными Божественного света -
Как смогут там соединиться с Ним?
Хотел бы я от вас ответ услышать,
Но лучше сам скажу об этом вам.
Бог, человеком став, с людьми общался,
Соединившись с нашим естеством,
Он приобщил к Божественной природе
Всех, кто поверили в Него, и всех,
Кто доказать делами веру могут^[15].
Итак, лишь эти, — говорит Господь, -
Одни они, кто к Богу приобщились,
Одни они лишь будут спасены,
Ибо и сам Господь, Творец вселенной,
Соединился с нашим естеством,
Как говорит святой апостол Павел,
Что Церковь — это Тело Божества^[16],
Лишенное морщин и недостатков,
Лишенное порока и пятна^[17],
Глава же Тела — Иисус Христос^[18].
Но если это будет так, то кто же
Из недостойных, грешных и нечистых
Посмеет к Богу дерзко подойти?
Как грешник сможет прилепиться Богу?
Ведь если отлучаются теперь
Все грешники от Церкви и от таинств
И созерцания божественных вещей
Лишаются, не будучи святыми,
То как тогда — увы мне! — все они
С Божественным соединятся Телом
И сделаются членами Христа^[19],
Запятнанные грязью и пороком?
Никак не будет этого, друзья!
Кто отделились от Христова Тела,
От Церкви и от общества святых -
Куда они пойдут, в какое царство?
Где поселиться смогут, мне скажи?

Ведь лоно Авраамово[20] и рай
и место вечного упокоенья
Тем, кто спасаются, принадлежит.
А кто спасаются? Святые люди,
Как говорит Евангелие нам.
“Обителей, — сказал Спаситель, — много,
Но все находятся внутри чертога”[21].
Как небеса одни, но в небе звезды
Отличны друг от друга по размеру,
Сиянию, блеску, славе, красоте[22],
Так есть один чертог, одно есть царство,
Которое мы называем раем
Или Небесным Иерусалимом[23].
И это царство, город и чертог,
Земля святая — есть один лишь Бог!
Как в этой жизни человек без Бога
Покоя не находит днем и ночью,
Так будет и по смерти: вне Его
Не будет ни покоя, ни отрады,
Ни мест, лишенных скорби и печали.
О братья! Постараемся теперь,
Пока еще нас не настиг час смертный,
Душой своею прилепиться к Богу -
Творцу всего, Который ради нас
Покинул небеса, сошел на землю,
Оставил ангелов, вселился в чрево
Пречистой и Благословенной Девы,
Неизреченно от Нее родился,
Явился для спасения всех нас.
Спасение же наше состоит, -
Как говорили мы и снова скажем
Не сами от себя — от Божьих уст, -
В том, что пришел на землю Свет великий[24],
Заря явилась будущего века,
И Царство Божие сошло на землю,
Сам Царь вселенной к нам сошел с небес
И уподобился Он нам во всем,
Чтоб, приобщившись света Божества,
Мы засияли отраженным светом[25]
И сделались подобными Ему,
Причастниками Царства благодати
И общниками славы Божества,
Наследниками вечных благ, которых
Никто на свете никогда не видел.
Уверен, верую и говорю,
Что эти блага — Троица Святая,
Отец и Божий Сын и Дух Святой.
Они — источник благ и жизнь вселенной,

Они — надежда, слава и покой,
Они — спасение и сладость верных
И радость несказанная для всех,
Кто приобщились Божьего сиянья,
Кто чувствует, что с Богом породнились.
Послушайте! Спасителем зовем
Мы Бога нашего по той причине,
Что дарует спасение Он всем.
Спасением же называем мы
От тленья, зла и смерти избавленье,
Приобретенье в Боге вечных благ,
Что вместо смерти даруют нам жизнь,
Свет — вместо тьмы, и вместо рабства — волю,
Что совершенную дают свободу
Всем, кто соединились со Христом
И в радости во веки пребывают.
А те, кто от Христа удалены,
Кто не искали Бога, не стремились
Соединиться с Ним, кто не достигли
От смерти и страстей освобожденья -
Князья ли то, вельможи иль цари,
Хотя бы думали они и мнили,
Что в радости и сладости живут,
На самом деле никогда не будут
Они владеть той радостью великой,
Неизреченной и неизъяснимой,
Какую знают все рабы Христа,
Свободные от низменных желаний.
Ту радость не познает, не поймет
И не увидит никогда никто
Из тех, кто не соединились с Богом,
Кто горячо к Нему не прилепились
И кто не растворились во Христе,
Которому держава подобает,
Хвала и пение, и честь, и слава,
И поклонение от всякой твари,
От всякого дыхания^[26] во веки.

[1] Гимн относится к позднему периоду творчества преп. Симеона, на что указывают упоминания о старости и приближающейся смерти. Размер гимна — политический пятнадцатисложник.

[2] Ср. Быт. 2:7.

[3] Букв. “как тело от тела”.

[4] Ср. 1 Кор. 15:51-53.

[5] Ср. Быт. 3:1-24 (об искушении Адама и Евы диаволом и об их изгнании из рая).

[6] Ср. Быт. 4:3-8 (об убийстве Каином Авеля).

[7] Ср. Быт. 6-7 (повествование о потопе).

[8] Ср. 2 Цар. 11:2-4; 14-17 (рассказ о том, как Давид взял себе в жены Вирсавию и способствовал смерти ее мужа Урии).

[9] Ср. Лк. 7:37-38 (о женщине, помазавшей Господа миром).

[10] Ср. Лк. 15:21 (слова блудного сына из притчи).

[11] Букв. “поставивший меня свободным в Твоем свете”.

[12] Ср. 1 Тим. 6:16.

[13] Букв. “содержащего все и находящегося вне всего, и являющегося Всем (т.е. Того, Кто есть Все), и наполняющего все”.

[14] Дуновение на диавола относится к числу древнехристианских литургических действий: оно сохранилось до сих пор в чине оглашения перед таинством Крещения (“и дуни и плюни на него”) и символизирует бессилие и беспомощность диавола перед лицом благодати Божией.

[15] Ср. Иак. 2:17-18.

[16] Ср. Еф. 1:23.

[17] Ср. Еф. 5:27.

[18] Ср. Еф. 1:22.

[19] Ср. 1 Кор. 6:15.

[20] Ср. Лк. 16:22.

[21] Ср. Ин. 14:2.

[22] Ср. 1 Кор. 15:41.

[23] Ср. Апок. 21:2.

[24] Ср. Ин. 1:9.

[25] Букв. “сделались вторыми светами”. Этим термином св. Григорий Богослов называет ангелов (Слово 28,31). Преп. Симеон прилагает наименование “вторых светов” к людям, приобщившимся к Божественному свету.

[26] Ср. Пс. 150:6 (слав. “всякое дыхание да хвалит Господа”).

Что означает быть «По образу», и о том, что человек справедливо считается образом первообраза. И что любящий врагов, как благодетелей, является подражателем Бога, и потому, став причастником Святого Духа, он бывает с Богом по усыновлению и благодати, будучи познаваем только теми, в ком действует Святой Дух (44; 34)

Слава, честь, хвала и гимны

В жизнь приведшему весь космос

Словом творческим и волей[4] -

В Лицах трех, трех Ипостасях,

Но в единственной природе

Поклоняемому Богу.

Бог есть Троица Святая,

Вышесущностная Сущность[5],

В Лицах трех одна природа,

В равностепенных Ипостасях,

Неразлучных, нераздельных,

Естество одно и слава,

Мощь единая и воля.

И она, всего Причина,

Сотворив меня из праха

И живую душу дав мне[6],

Отослав меня на землю,

Свет позволила мне видеть,

В свете ж — мир, луну и солнце,

Звезды, небо, землю, море,
Все, что мир сей наполняет,
Мне дала и ум, и слово[7].
Но внимай словам дальнейшим!
Нам по образу святого
Безначальнейшего Слова,
Бог дал слово, то есть разум,
Ведь словесные — от Слова
Несозданного, благого,
Неприступного и Бога.
Но по образ, конечно,
И душа у человека -
Сей словесный образ Слова.
- Как? скажи мне, объясни мне!
- Слушай дальше то же слово.
Слово Божие — от Бога
И совечно, сопредельно
Самому Отцу и Духу,
Но душа ведь точно так же
Вся по образу явилась
Бога Слова: обладает
И умом она, и словом,
Их имея нераздельных,
По природе неслиянных
И во всем единосущных.
Эти три[8] — одно в единстве,
Но одно и разделенье,
Ведь всегда соединяясь,
Постоянно разделяясь,
Неслиянными бывают,
Неделимыми на части.
Коль одно из них отбросишь,
То лишишься и других ты,
ведь душа ума лишившись,
Потеряв способность слова,
Вся подобна бессловесным.
Но и без души не могут
Пребывать ни, ум ни слово.
А по образу ты можешь
Представлять и Первообраз:
Нет без Духа и не будет
Ни Отца совсем, Ни Слова.
Дух — Отец, Сын также Дух есть,
Хоть и плотью Он облекся,
Но и Дух, опять же, Бог есть;
Три Они[9] всегда едины
В существе и по природе,
Точно так же, как едины

Наши ум, душа и слово.
Но Отец неизреченно
Из Себя рождает Слово,
И как ум мой происходит
От души, скажу же лучше -
Ум в душе моей всецело,
Точно так же Дух исходит
От Отца неизреченно
И в Отце Он пребывает.
А как ум рождает слово,
Произносит, посылает
И для всех его являет,
Но при том неотделенным
Он от слова остается
И в себе рождает вечно:
Бог Отец не отделялся
Никогда от Бога Сына^[10],
В Сыне Он бывает видим,
Но и Сын в Нем пребывает.
Этот образ совершенный,
Хоть вполне он и не ясен,
Показало ныне слово,
Но познать его не сможешь
Никогда ты и увидеть,
Если прежде не очистишь.
Если прежде не омоешь
Образ свой от всякой скверны,
Если образ не достанешь -
Весь засыпанный страстями -
И не вытрешь совершенно,
Также если не разденешь
И, как снег, не убелишь ты^[11]
Весь божественный свой образ.
Если ж сделаешь все это,
Хорошо себя очистив,
Доведя до совершенства
Образ свой, то и тогда ты,
Первообраз не увидишь,
Не поймешь и не познаешь,
До тех пор, пока тебе он
Не откроется всецело
Через Духа Всесвятого.
Ибо Дух всему нас учит,
В несказанном свете славы
Весь блистая и сияя;
И по мере очищенья
Всей души твоей от скверны
Он в уме твоём покажет

Умный мир[12], насколько сможешь
Воспринять ты и увидеть,
И насколько то возможно
И доступно человеку.
Станешь ты подобен Богу,
Подражать Ему стараясь
Всеми добрыми делами:
Целомудрием, бесстрашьем
И любовью к человеку,
В искушениях терпением
И к врагам своим любовью[13].
В том и есть любовь к всем людям,
Если ты врагов жалеешь,
Как друзей, добро творишь им,
Как родным своим братьям,
Если молишься за всех ты,
Кто тебе нанес обиды,
И любовь всегда являешь
Всем равно: и злым и добрым,
Если душу ежедневно
Полагаешь за спасенье
Одного — чтоб не погиб он,
Если ж можно, то за многих.
Так научишься ты, чадо,
Подражать Творцу делами,
Верным образом Владыки
Станешь ты и совершенства
Подражателем ты будешь.
Но тогда тебе Создатель -
Слушай, что скажу я дальше! -
Ниспошлет Святого Духа:
Не какую- то иную
Он тебе подарит душу
По сравненью с той, что ныне
Ты имеешь[14], но вдохнет Он
Внутрь тебя Святого Духа,
Исходящего от Бога.
Этот Дух в тебя вселится,
Обитать в тебе Он будет,
Просветит и осияет
Он тебя, соделав светом,
И всецело переплавит[15],
Сделав тленное нетленным,
Обновит Он, — говорю я, -
Обветшавшее жилище -
Дом души твоей погибшей.
Вместе с нею Он все тело
От истления избавит

И тебя по благодати
Богом сделает, подобным
Первообразу — о чудо!
О неведомая тайна,
Что познать никак не смогут
Все, кто страстью одержимы,
Что неведома всем гордым,
Миролюбцам, славолубцам,
Что всегда от всех гневливых
И злопамятных сокрыта,
От завистливых и пьяниц,
Блудников и злоязычных,
Плотолюбцев, сребролюбцев
И обжор, и тайноядцев[16],
Празднословов, сквернословов
И беспечных и ленивых,
И от тех, кто ежечасно.
Покаянье не приносят,
Кто не плачут ежедневно,
Кто являют непокорность,
Кто всегда со всеми спорят,
Кто живут без всяких правил[17],
И от тех, кто, величаясь,
Почитают себя чем-то,
Будучи ничем[18], конечно,
Кто гордятся пред другими
Ростом, силой и здоровьем,
Красотой лица и тела
Или чем-либо подобным,
И от тех, кто не имеют
Сердца чистого[19], не просят
С теплотой сердечной Бога,
Чтоб им дал Святого Духа,
Кто не веруют, что Дух сей,
Всем желающим дается
В наше время, как и прежде,
Ведь неверье отгоняет
Пребожественного Духа.
Кто не верит, тот не просит,
Не просящий — не приемлет[20],
Не принявший — мертв, конечно,
А о мертвом как не плакать,
Что себя живым считает,
Мертвым будучи всецело?
Мертвецы ведь мертвых видеть
И оплакивать не могут,
А живые, видя мертвых,
Огорчаются и плачут,

Потому что видят чудо
Но понять его не могут:
Умерщвленные как будто
И живут, и даже ходят,
И слепые — мнят, что видят,
И глухие — мнят, что слышат.
Да, они живут и видят,
Но как рыбы или птицы,
Да — и думают, и слышат,
Но подобно бессловесным:
Чувством чувствовать не могут,
В мертвой жизни[21] пребывая.
Можно жить ведь неживому,
Можно зрячему не видеть,
И имея слух — не слышать.
- Как? скажи мне. Слушай дальше.
Те, кто здесь живут по плоти,
Кто на здешнее лишь смотрят,
Кто божественные речи
Слышат плотскими ушами,
Все они духовно глухи,
Слепы и мертвы всецело,
Возрожденья к новой жизни
Не сподобились от Бога[22],
Не восприняли и Духа,
И глазами не прозрели,
И Божественного света
Не увидели, слепые,
И Святого Духа голос
Не услышали, глухие.
Как же могут таковые
Христианами считаться?
Но божественного Павла
Ты послушай, или лучше -
Самого Христа, так ясно
Говорящего об этом:
“Человек был первый перстным,
Из земли ведь был он создан,
Человек второй — небесный,
Ибо Он с небес спустился”[23].
Будь внимателен к словам сим.
Ведь каков был первый, перстный,
Таковыми все земные
Люди, перстными, рождались,
А каков Христос Небесный,
Таковыми все бывают
Те, кто веруют Владыке[24],
Возродившееся свыше

И крестившееся Духом[25].
Бог — родивший, таковыми
И рожденные бывают
От Него: от Бога — боги,
И Всевышнего сынами
Называет их Писанье[26],
Ибо Бог усыновил их.
Слышал Божьи изречения?
Слышал, как Он отделяет
Верных Богу от неверных,
Как дает им знак, отличие,
Чтоб ученьями чужими
Все они не обольщались?
От земли — сказал Он, — первый,
Ибо создан был он перстным,
От небес — второй, Владыка
Всей земли, с небес сошедший.
Первый смерть принес всем людям,
Ибо заповедь нарушил -
И все люди стали тленны,
А второй принес на землю
Жизнь и ныне всем приносит
Свет, бессмертье и нетленье[27].
Слышал, что тебе служитель
Говорит небесных таинств?
Слышал Господа, Который
Говорит устами Павла,
Научая нас, какими
Все должны быть те, кто верят
И в делах являют веру?[28]
После этого нимало
Ты не должен сомневаться:
Если сам христианин ты,
То каков Христос Небесный,
Таковым и ты быть должен.
Если ж нет, христианином
Как дерзаешь называться?
Ибо если говорит он,
Что каков Господь Небесный,
Таковы все те, кто верят
Во Христа — они небесны,
То, конечно, остальные,
Кто о мире помышляют
А живут по воле плоти -
Не от Бога, не от Слова,
Что с небес сошло на землю,
Но они — от человека,
Сотворенного из персти.

Так ты думай, так и веруй
И старайся стать небесным,
Как сказал с небес Сошедший,
Всей вселенной жизнь дающий.
Он есть хлеб, сходящий свыше[29]:
Кто его всегда вкушают,
Те вовек не узрят смерти[30].
Ведь небесными став в жизни,
Все они во век пребудут
И совлекшимися тленья,
И отбросившими смертность,
Облеченными в нетленья,
Прилепившемися к жизни.
Стали все они бессмертны
И соделались нетленны,
Потому и называют
Их небесными по праву
Ибо кто из нас от века -
Из Адамовых потомков -
Таковым назваться мог бы,
Прежде чем с небес на землю
Не сошел Владыка твари,
Царь земных, Господь небесных?
Он от нас воспринял тело,
Нам же Духа дал Святого,
Как мы много раз сказали[31].
Дух же сей, как Бог Небесный
Это все и подает нам.
- Что "все это"? — То, о чем я
Множественно говорил вам,
Но скажу теперь я снова.
Он бывает как бы некой
Пребожественной, чудесной,
Световиднейшей купелью.
Он — кого найдет достойным -
Тех всецело обнимает
И внутри Себя содержит.
Как скажу, как изреку я
То, что с ними происходит?
Дай мне слово, о мой Боже,
Душу некогда мне давший!
Дух Божественный и вечный,
Если внутрь Себя кого-то
Восприимет, тех как Бог Он
Совершенно обновляет,
Обновив — воссоздает,
воссоздав — новотворит их[32]
Несказанно и чудесно!

- Как же Дух не приобщится
Их не чистоте и скверне?
- Точно так же, как не примет
Черноты железа пламя,
Но, напротив, сообщает
Все железу, что имеет,
Дух Божественный, нетленный,
Бесконечный и бессмертный,
Всем им дарует не тленье,
Сообщает им бессмертье.
Он как свет незаходимый
Всех соделывает светом,
В ком вселиться соизволит.
Будучи всецело Жизнью,
Жизнь с избытком^[33] Он дает им.
Как с Христом одноприродный,
Как Ему единосущный
И Ему единославный^[34],
С Ним всегда соединенный,
Он и им дает все это -
И они все совершенно
И во всем Христу подобны.
Ведь Владыка не завистлив,
Не боится Он, что смертный,
По Его же благодати,
Сам Ему же станет равен;
Не считает Он, что люди
Не достойны быть подобны
Божеству по благодати.
Нет, Он радуется сильно,
Утешается всемерно,
Видя нас, людьми рожденных,
Но по благодати ставших
Таковыми, каковым Он
Был и будет по природе^[35].
Ибо Он — наш Благодетель,
И поэтому Он хочет,
Чтоб и мы такими были.
Если ж все мы не такие,
Не во всем Ему подобны,
Как мы с Ним соединимся, -
Говорит Он, — как пребудем
С Ним, не будучи такими?
Как Он в нас вселиться сможет,
Коль Ему мы не подобны?
Зная в точности об этом,
Постарайтесь воспринять вы
Все Божественного Духа,

Исходящего от Бога,
Чтобы сделаться такими,
О каких мы говорили -
И небесными всецело,
И поистине богами,
Как сказал Господь и Царь наш,
Чтоб Небесное вам Царство
Унаследовать навеки.
Если ж вы здесь не старались
И небесными не стали
И не станете такими,
Как хотите жить на небе,
Как хотите с Ним вселиться,
как войти хотите в Царство,
Воцариться, пребывать там
С небожителями вместе
И с самим Царем и Богом?
Так бегите же, спешите,
Подвизайтесь все усердно,
Чтоб Господь нас удостоил
Жить в Своем Небесном Царстве,
Пребывать с Христом-Владыкой,
С Ним соцарствовать, Который
Всякой славы и державы
И хваления достоин
Со Отцем и Духом ныне,
Непрестанно и во веки.

---

[1] Ср. Быт. 1:26.

[2] По чтению некоторых рукописей: “образом Бога”.

[3] Гимн написан анакреонтическим восьмисложником и переводится размером оригинала. Это один из самых длинных гимнов преп. Симеона: в оригинале (и в нашем переводе) он состоит из 434 строк.

[4] Букв. “всю тварь из небытия в бытие приведем одним словом и волей Своей”.

[5] Ср. *Дионисий Ареопагит*. О Божественных именах 1,1.

[6] Ср. Быт. 2:7.

[7] Греч. слово *logos* означает не только “слово”, но и “разум”, а также “словесность” человека (т.е. его способность выражаться при помощи слов). Здесь и далее в гимне преп. Симеон использует термин в различных значениях: “разум” человека есть образ Бога Слова; душа — “словесный образ Слова; и т.д. Эту игру смыслов и оттенков не всегда удастся воспроизвести в переводе.

[8] Т.е. душа, ум и слово.

[9] В оригинале стоит *ta amfotera*, что обычно переводят как “оба”, “оба они”, “и то, и другое”. Иеромонах Пантелеимон перевел как “оба Они”, указав в сноске “т.е. Бог и Дух” (Божественные гимны, с.147). Однако эти *amfotera* в тексте сравниваются с умом, душой и словом, из чего ясно, что речь идет о трех, а не о двух Лицах. В греческом слово *amfotera* не обязательно означает “два”. Ср. Деян. 23:8: “Ибо саддукеи говорят, что нет ни воскресения, ни ангела, ни духа, а фарисеи признают и то, и другое (*ta amfotera*)”. Исходя из этого словоупотребления, мы переводим “три Они”, имея в виду все три Лица Святой Троицы.

[10] Эта фраза могла быть ответом на вопрос Стефана Никомидийского “Как отделяешь ты Отца от Сына?” В гимне 21-м, отвечая на этот вопрос, преп. Симеон говорит, что Сын “совершенно не отделяется от Отца”, но “пребывает в лоне Отца” (см. Гимн 21, 208-210).

[11] Ср. Ис. 1:18.

[12] Букв. “в уме твоём покажет все мысленное”.

[13] Ср. Мф. 5:44.

[14] Этой ремаркой преп. Симеон, возможно, хотел отмежеваться от учения мессалиан, которые утверждали, что истинные христиане получают новую душу при своем обращении.

[15] Глагол *anachonevo* означает “переплавить”, “заново отличить”. Речь, таким образом, идет не просто о духовном возрождении и очищении, но о кардинальном изменении всей человеческой природы под действием Святого Духа.

[16] “Тайноядение” (*lathrografia*) — вкушение пищи монахом втайне от остальной братии.

[17] Букв. “кто живут по своим собственным правилам” (греч. *idiorhythmoi*).

[18] Ср. Гал. 6:3.

[19] Ср. Пс. 50:12; Мф. 5:8.

[20] Ср. Мф. 7:8.

[21] Букв. “в умерщвленной жизни”.

[22] Букв. “совершенно не родились от Бога, чтобы жить”.

[23] Ср. 1 Кор. 15:47.

[24] Ср. 1 Кор. 15:48.

[25] Ср. Ин. 3:3.

[26] Ср. Пс. 81:6.

[27] Ср. Рим. 5:15-18.

[28] Ср. Иак. 2:18.

[29] Ср. Ин. 6:33.

[30] Ср. Ин. 6:50.

[31] Преп. Симеон ссылается на свои другие сочинения, где он говорил о том же. Например, в одном из гимнов он пишет: “Взяв (от нас) плоть, Он дал нам Божественного Духа” (Гимн 15, 122).

[32] Т.е. делает новыми (греч. *kainourgeo*).

[33] Ср. Ин. 10:10.

[34] Преп. Симеон использует классические богословские термины *homofyes* (единоприродный), *homoousios* (единосущный), *homodoxos* (единославный), употреблявшиеся Св. Отцами для выражения единства между Отцом и Сыном.

[35] По учению восточных Отцов Церкви, человек благодаря обожению становится “по благодати” тем, чем Бог является “по природе”.

О точнейшем Богословии и о том, что не видящий славу Божию хуже слепых (45;45)

О мой Боже всещедрый, о Творец мой предивный,
Воссияй еще ярче неземным Твоим светом,
Чтобы радостью снова все наполнилось сердце!
Да, не гневайся, Боже, да, меня не покинь Ты,
Но святым Твоим светом озари мою душу,
Ибо свет Твой небесный — это сам Ты, мой Боже.
И хоть много различных мы имен Тебе дали,
Ты один пребываешь, ибо Сам Ты — Единство.
Это Божье единство несказанно, незримо
И неведомо всякой матерьяльной природе:
Мы, Его изъясняя, называем различно.

Эта Божья природа есть Единство в трех Лицах,
Есть единое Царство, Божество же и Сила,
Есть Единство в Триаде и Триада в Единстве.
Бог один, а не три их, но един Он в трех Лицах,
Однородных друг другу в существе и природе,
Равносильных всецело и всегда равносущных,
В единенье неслитно остающихся вместе,
В разделенье, напротив, нераздельных и слитных
Как Единство в трех Лицах, три Лица же в Единстве.
Ведь един есть Творец всех Иисус Христос Бог наш
Со Отцом Безначальным и Божественным Духом.
Триединство святое есть Единство в трех Лицах,
Три в Единстве неслитно, в трех Одно нераздельно,
То есть три есть Едино, а едино есть Троица.
Разумей, поклоняйся и всегда в это веруй!
То Единство, явившись, воссияв, озарив все,
Преподавшись, отдавшись, всяким благом бывает.
Потому это благо называем мы часто
Не одним только словом, но по разному: светом,
Миром, радостью, жизнью, пищей, влагой, росой,
Одеяньем, покровом, пренебесным чертогом,
Воскресеньем, востоком, утешеньем, купелью,
И огнем, и водою, и источником жизни,
И рекой, и потоком, и богатством для верных,
Хлебом нашим насущным и вином животворным,
Новым пиром сладчайшим, наслаждением тайным,
Солнцем вечно светящим, вечно яркой звездой
И лампадой, что в сердце светит ярко и ясно[2].
В том Единстве есть много: разрушает и строит[3],
То Единство чрез Слово сотворило весь мир сей,
А теперь Духом силы все творенье содержит[4].
И Оно сотворило небеса и всю землю,
Приведя в бытие их и составив чудесно.
И Оно своей силой сотворило животных,
Птиц пернатых и гадов, рыб и все, что мы видим.
Наконец, сотворило и меня как владыку
И дало мне все это как рабов в услуженье,
Чтоб желанья и просьбы все мои исполняли.
То, что Богом Единым заповедано было,
Все они сохранили и теперь сохраняют,
Только я, недостойный, не явил благодарность,
Пониманье, вниманье, послушание Богу.
Ведь меня сотворил Он, блага все даровал мне,
Я же, заповедь Бога преступив, оказался,
Непотребный и жалкий, хуже всех земнородных,
Хуже рыб и животных, и пернатых и гадов.
Потерял я дорогу, приводящую к Богу,
И от славы, мне данной, я отпал — о несчастье! -

И лишился одежды светоносной небесной.
И, во тьме оказавшись, я лежу в ней доселе
И не знаю, что света я лишен совершенно.
Говорю: “Вот мне солнце светит днем, и я вижу,
Ну, а ночью светильник зажигаю — и вижу.
Разве люди другие что-то большее видят?
Нет, конечно: все люди то же самое видят,
И что-либо другое здесь узреть невозможно”[5].
Говоря так, прельщаюсь, над собой насмехаюсь,
Обмануть я стараюсь сам себя, о Спаситель,
Знать себя не желая, что я слеп совершенно,
Не желая трудиться и прозреть не желая,
Не хотя, осужденный, в слепоте сей признаться.
Говорю я: “Кто видел Бога — Свет всего мира?”
Говорю так напрасно и бесчувственно, Боже,
Будто мне непонятно, что неправильно мыслю.
Человек, говорящий, что он света не видит,
Утверждающий громко, что сие невозможно -
Созерцать, о Владыко, свет Божественной славы -
Отвергает бесстыдно все писанья пророков,
Все апостолов книги, все Твои повеленья
И слова, Иисусе, все Твое снисхождение.
Если Ты воссиял нам с высоты пренебесной
И явился во мраке и пришел, Милосердный,
В этот мир, чтобы с нами пребывать неразлучно,
И сказал “Я — свет миру”[6], но Тебя мы не видим,
То не слепы ли все мы совершенно, Христе мой?
Мы поистине хуже, чем слепцы в этом мире.
Мы не только слепые, но и мертвые, Боже,
Ведь Тебя мы не видим — животворного Света!
Те слепцы не способны видеть чувственно солнце,
Но живут ведь, Владыко, даже движутся как-то,
Ибо солнце земное нам не дарует жизни,
Но лишь свет посылает, чтоб мы видели лучше.
Ты ж в Себе совмещаешь всяких благ совокупность
И даешь их тем людям, кто Твой свет созерцают.
Ты ведь — жизни Источник, Ты и даруешь жизнь нам
Вместе с благами всеми, что в Тебе пребывают.
Кто Тобой обладает, тот и всем обладает!
Пусть и я, о Владыко, не лишусь Тебя, Творче,
Не лишусь Тебя, Блаже, я, смиренный и странник.
Да, я странник, мой Боже, ведь Тебе так угодно,
Но пришельцем я стал здесь не по собственной воле -
По Твоей благодати, свет небесный увидев,
Я себя в этом мире осознал как бы гостем[7]
И умом озаренным я познал, что в небесный
И невидимый мир Ты всех людей переводишь,
Поселяя достойных средь чертогов небесных,

Разделяя жилища сообразно с делами -
С тем, как каждый старался в этой временной жизни
Сохранить, о Спаситель, все Твои повеленья.
Потому умоляю и меня учинить там,
Хоть и много грешил я — больше всех в этой жизни,
И достоин мучений и всех казней в том мире.
Но прими меня, Боже, я к Тебе припадаю:
Как блудница и мытарь^[8], я рыдаю и плачу.
Не умею я плакать так, как он, о Христе мой,
Отирать волосами не могу Твои ноги,
Но Ты милость даешь мне и любовь изливаешь,
Источаешь Ты благодать — через это помилуй!
Да, руками Своими ко кресту пригвожденный,
Да, ногами Своими ко кресту пригвожденный
Копием прободенный^[9], милосердный Спаситель,
Ты помилуй, избавив меня вечных мучений,
Удостой меня ныне послужить Тебе, Спасе,
И предстать пред Тобою и не быть осужденным,
Внутрь чертога вселиться, где с Тобою, Владыко,
Буду в радости дивной пребывать я во веки.

---

^[1] В оригинале 25 строк гимна написаны двенадцатисложным ямбическим триматром, а остальные строки (26-127) — пятнадцатисложным политическим стихом.

^[2] Наименования Бога, приводимые здесь преп. Симеоном, основаны на Священном Писании: свет (ср. Ин. 8:12 и др.), мир (Мих. 5:5), радость (Пс. 15:11; 1 Пар. 16:27), жизнь (Ин. 11:25), пища и питье (Ин. 6:55), одеяние (Пс. 103:2), покров (Пс. 31:7), чертог (Пс. 26:5), восток (Лк. 1:78), воскресение (Ин. 11:25), покой (Евр. 4:1-10), огонь (Исх. 24:17), вода (Иер. 2:13), река (Апок. 22:1), источник жизни (Иерем. 2:13; Пс. 35:10), поток (Пс. 35:9; 41:2), хлеб и вино (Мф. 26:26-28), пир (Мф. 22:2-10), сладость (Пс. 35:9), солнце (Пс. 83:12), звезда (Апок. 22:16), светильник (2 Цар. 22:29; Апок. 21:23). Подобное же перечисление встречаем у Дионисия Ареопагита (О Божественных именах 1.6).

^[3] Букв. “Это Единое есть Многое: оно разрушает и строит”.

^[4] Ср. Пс. 32:6.

^[5] Преп. Симеон как бы говорит от лица своих оппонентов, утверждавших, что Бога видеть невозможно.

^[6] Ин. 8:12.

^[7] Ср. Пс. 118:19.

^[8] Ср. Лк. 7:37 и Лк. 18:13.

^[9] Ср. Ин. 19:34.

Слово в форме диалога между Богом и автором этих слов. И о том, как, просвещаемый Святым Духом, этот Божественный Отец (Симеон) беседовал с Богом и от него таинственно узнавал Божественное и человеческое (53)

Взгляни, о Христе, на скорби,
Взгляни на мое унынье,
Взгляни на мое бессилье,
Взгляни на мою нищету!
Над немощным, Боже, сжался,
Воссияй мне и ныне, Слове,

Как некогда Ты воссиял мне,
И душу мою озари!
Просвети мои очи, Боже,
Чтоб я видел Тебя, Свет мира^[3],
Веселье и радость верных,
Бессмертную вечную жизнь,
Несказанную ангелов сладость
И рай, и небесное Царство,
И венец всех праведных^[4], Боже,
Судью моего и Царя.
Зачем Ты Свой лик скрываешь,
Разлучаясь со мной, мой Боже,
Ведь Ты разлучаться не хочешь
Со всеми, кто любит Тебя?
Зачем от меня бежишь Ты,
Зачем Ты меня опаляешь,
Зачем Ты меня сокрушаешь,
Зачем так безжалостно бьешь?
Знаешь Ты, что Тебя люблю я
И ищу Тебя всей душою,
Откройся же мне, как сказал Ты,
И яви мне всего Себя!
Я познал, что не лжив Ты, Боже,
Тех, кто любит Тебя, Ты любишь
И беседуешь, как с друзьями,
Не подобием или тенью,
Не как ум же с другим умом,
Но как изначальный Логос,
Как жизнь в ипостаси Слова,
И как от Отца рожденный,
Таинственно соединенный
Всегда говорящий с Ним.
А с теми, кого Ты рождаешь
Святым Твоим Духом, мой Боже,
И сынами являешь Твоими,
Или братьями — лучше скажу я -
А сынами Бога Отца,
С ними Ты говоришь, Христе мой,
Непрестанно их всех Ты видишь,
И они все видят Тебя.
Яви же Твое милосердье,
Покажи любовь к человеку,
И милость Твою, Спаситель,
Излей изобильно на всех,
Кто поверили, будучи в плоти,
В Тебя, о Христос и Бог мой,
И врата Твоего чертога

Мне отверзи, и двери света
Не закрой предо мной, Христе!
- Что словами Меня отягчаешь,
О сын человека земного?[5]
Зачем говоришь неразумно,
Будто я скрываю Свой лик?
Зачем полагаешь, что двери
И ворота я закрываю?
Зачем помышляешь неверно,
Что с Я разлучаюсь с тобой?
Зачем говоришь, что сжигаю,
Опаляю и сокрушаю?
Слова твои несправедливы,
В них разумного нет ничего.
Но лучше послушай снова,
Что тебе говорить Я буду.
Я был светом прежде создання
Всей видимой твари земной,
Я был, Я есмь и буду
Везде и во всех повсюду.
Слушай премудрости слово
И таинств пойми глубину!
Ничем из всего Я не был,
И вместе со всем Я не был,
И не был внутри всего Я,
Однако, ни с чем не сливаясь,
Пребывал Я вместе со всем.
Итак, из всего Я не был
Ничем, и не был во всем Я.
Среди видимых же творений,
Что с душою и без души,
Что без чувства живут и с чувством[6],
Что со Мною давно разлучились
И не знают совсем Меня,
Я создал из праха тело,
Вдохнул в него душу живую[7],
Но не из Своей природы,
А из мощи Своей и силы.
Разумей, что тебе говорю!
Итак, говорю, Моей силой
Я вдохнул в Тебя душу живую -
Словесную умную душу,
Которую с телом связал.
И вошла она в тело, как в дом свой[8],
Приняла его, как инструмент свой[9],
И явилось единство из двух.
Я тебя, человек, называю,
Существом живым и разумным[10],

Человеком двойным, состоящим
Несказанно из двух природ:
Неразумного, зримого тела,
Бесчувственного совершенно^[11],
И незримой, по образу Бога^[12],
Словесной и умной души,
Что живет среди всех — о чудо! -
Среди тварей земных, — говорю Я.
- О каких Ты тварях сказал?
- О вещественных и духовных^[13].
Вещественны те, что видишь,
Невещественны ангелы Божьи,
Итак, он стоит между ними -
Живой и двойной человек.
Среди чувственных он невеществен,
А среди невещественных — чувствен,
И как чувственного Я сделал
Господином всего, что видит,
И владыкой земли его.
Ему одному подчинил Я,
Как рабов, все земные творенья,
Чтобы он дела Мои видел
И Меня прославлял, Творца.
Как разумному же по природе
И способному умственно видеть
Я Себя ему видеть позволил,
Удостоив ангельской чести^[14].
Разумей, что сказал Я тебе!
Человек двойной по природе,
Он чувственными глазами
Созерцал все Мои творенья,
А глазами ума он видел
Ежечасно Мой лик и славу
И беседовал он со Мной.
Когда же вкусил он от древа,
Нарушив Мое повеленье,
В тот же миг ослеп, оказавшись
В той смертной кромешной тьме.
От Меня он надеялся скрыться^[15],
Но безумно он это задумал,
Ибо где он мог скрыться от Бога
И в каком же месте, скажи?
Но ты мыслишь теперь еще хуже
И еще неразумней, чем этот,
Будто Я от тебя скрываюсь,
Не хотя, чтоб ты видел Меня!
Если Я не хотел быть видим,
Зачем Я явился во плоти,

Зачем и с неба сошел Я,
Зачем стал видим для всех?
Не будь же совсем неразумным,
Оцени Мое снисхождение
И пойми все Мои дела.
Первозданный Адам, ослепнув,
Обличен был Мною, Владыкой,
Покаянию был научен,
Но каяться не захотел,
Не смирился Адам нисколько,
А сказал: “Жена согрешила,
Которую Ты мне дал[16], Боже”, -
И так у него получилось,
Что причиной греха был Я.
Подобно ему, возложила
И жена всю вину на змия[17],
И никто из них совершенно
Не сознался в своем грехе.
Потому они и лишились
Несказанной сладости рая
И попали в чувственный мир сей
С бессловесными наравне.
Бессловесными из словесных,
Неразумными из разумных,
Матерьяльными из духовных
В этом мире стали они.
Чудо странное! Словно тело
И душа без глаз оказались,
Когда ослепла, и Бога
Созерцать уже не могла.
Но тело, хотя и ослепнет,
От души получает движенье[18],
А душа, если вдруг ослепнет,
От кого движенье получит?
Как душа сможет жить, ослепнув?
Никак, но навеки умрет.
Так и умерли, — говорю Я, -
Прародители по неразумью,
Оказавшись держимы тленьем,
Оба вместе сошли во ад.
Но, над ними сжалившись, свыше
Я сошел, по природе незримый,
И тяжелую плоть воспринял
И душу Себе приобрел.
Неизменно оставшись Богом,
Слово Божие стало плотью[19] -
От плоти приняв начало,
Человеком явилось для всех.

Почему же это Я сделал?
Потому что Адама Я создал,
Чтобы он созерцал Меня,
А поскольку ослеп он всецело,
И потомки его рождались
Ослепленными от слепца,
Для Меня нестерпимо стало
Пребывать в Божественной славе,
Презирая тех, кто ослепли,
Прельщенные змием коварным,
Тех, кого Я Сам сотворил.
И Я чувственным стал человеком,
Подобным всем чувственным людям,
Возжелав единенья с людьми.
Ты видишь, как Я желаю,
Чтобы люди увидели Бога,
Что Сам даже стал человеком
И сделался видим для всех?
Как же ты говорить дерзаешь,
Что Я от тебя скрываюсь
И совсем для тебя невидим?
Я сияю, а ты не видишь?
Но тайне великой внимай.
Видел Бога Адам — и жив был,
А когда преступил повеленье,
Он ослеп и сделался мертвым,
Не желая раскаяться вовсе
И сказать: “согрешил пред Тобой”.
За это он был справедливо
Осужден возвратиться в землю,
Из которой был создан и взят^[20].
И хотя приговором стало
Все это для всех потомков,
Неизбежным, как наказание,
Впрочем, это не наказание,
А скорее добро для людей.
Потому что Я не позволил
Нетленному быть вместе с тленным,
Ибо хуже им, чем разлучиться,
Было б связанными пребывать.
И намного было бы хуже,
Если б зло бессмертным осталось
И в теле людей, и в душе.
Ибо если б душа человека,
Отпав от тамошней жизни,
На себе несла постоянно
Матерьяльное тленное тело
И с ним совершенно слилась,

Не хуже ли было бы это
Отделенья души от тела?
Ибо две, — говорю, — есть смерти:
Есть смерть тела и смерть души.
Жизнь того, кто душою умер,
Но имеет тленное тело,
Которое быстро стареет,
Распадаясь и разрушаясь,
И если б душа при этом
Никогда не рассталась с ним,
То такая жизнь, — говорю Я, -
Неужели не будет хуже
Любых наказаний в аду?
Но ты посмотри на несчастных,
Одержимых священной болезнью^[21],
Как их плоть истощается страшно,
Разлагается тленное тело,
Как без рук, без ног и без глаз,
Без губ, без ушей, без носа,
Неподвижные совершенно,
Безголосые и глухие,
Они голосами немymi
Просят Бога, чтоб Он их избавил
От плоти как можно скорей.
А если бы жизнь такая
Навечно была бы дана им,
То, — опять скажу, — неужели
Жить не хуже, чем умереть?
Итак, наказание стало
Великим благодеяньем:
Это не наказанье вовсе,
А действие Божьей любви.
Ибо смерть для людей означает
От хлопот и забот избавленье,
Прекращенье болезней, страданий,
Отсечение грехов и неправды,
Избавленье от всякого зла.
А тем, кто жил свято и чисто,
Смерть дает непрестанную радость.
Утешенье и вечную сладость,
Невечерний Божественный свет.
Но еще до того, как ты с телом
Разлучился, — тебе говорю Я, -
Взирай на Мое снисхожденье,
На Мои благие деянья,
Познавай все Мои дары.
Ибо Я явил всему миру
И Себя и Отца; Я обильно

Излил Всесвятого Духа,
Поверь Мне на всякую плоть^[22].
Я открыл Мое имя людям,
Показав делами Своими,
Что Я есмь Творец и Создатель;
Я показываю и ныне
Всем людям, живущим в мире,
Все, что нужно делать. Аминь.

[1] Букв. “отцом слов”.

[2] Гимн написан анакреонтическим восьмисложником. Гимн отсутствует и в издании Дионисия Загорейского, и в русском переводе иеромонаха Пантелеимона. В гимне много аллюзий не только на библейские тексты, но и на высказывания некоторых античных авторов, особенно в той части, где говорится о природе человека и его месте в космосе. Называя человека *zoon logikon* (разумное живое существо), или *anthropos diploous* (человек двойной), Бог в гимне преп. Симеона как бы говорит языком Платона и Аристотеля.

[3] Ср. Ин. 8:12.

[4] Ср. 2 Тим. 4:8.

[5] Ср. Иов 38:2.

[6] Букв. “среди одушевленных и неодушевленных, бесчувственных и чувственных”.

[7] Ср. Быт. 2:7.

[8] Учение о теле как доме души заимствовано из античной философии и достаточно широко распространено в патристике. Ср. Послание к Диогнету: “Бессмертная душа обитает в смертном жилище”.

[9] Учение о теле как инструменте души тоже имеет античное происхождение: см. *Платон*. Федон 85e-86b (сравнение тела с лирой).

[10] Букв. “разумным живым существом”, “животным разумным”. Термин *zoon logikon* (“животное разумное”) заимствован у Пифагора и Секта Эмпирика; он часто встречается в ранней патристике.

[11] Тело бесчувственно само по себе, т.е. без души.

[12] Ср. Быт. 1:26-27.

[13] Букв. “о вещественных и невещественных (материальных и нематериальных)”.

[14] Т.е. созерцания Бога и собеседования с Ним.

[15] Ср. Быт. 3:8-10.

[16] Ср. Быт. 3:12.

[17] Ср. Быт. 3:13.

[18] Учение о том, что тело не имеет своего движения, но приводится в движение душой, подобно изложено Аристотелем (О душе 406ab). В патристической традиции это учение утвердилось довольно прочно.

[19] Ср. Ин. 1:14.

[20] Ср. Быт. 3:19.

[21] Т.е. проказой. В Древней Греции “священной болезнью” называли эпилепсию, однако Отцы Церкви (св. Григорий Богослов, преп. Иоанн Лествичник и др.) употребляют это выражение применительно к проказе.

[22] Ср. Иоиль 2:28.

Молитва к Богу — просительная и благодарственная за все, что было с ним (Св. Симеоном) (56; 35)

Господи, даруй мне разум,
Господи, дай мне познание,
Ты Сам научи меня, Боже,
Творить все Твои повеленья.
Я — человек, как Ты знаешь,
Больше других согрешил я,
Но Ты пощади меня, Боже,

По Твоему милосердью,
И сделай со мною, нищим
И сиротой в этом мире,
Все то, что один Ты знаешь.
Отделив от отца и братьев,
От друзей и родных, Владыко,
От земли, где родился, вырос,
От дома, где жил я в детстве[2],
Ты вывел меня, Милосердный,
Из Египта, мрачного ада[3],
Ибо так Ты мне дал, Владыко,
Рабу Твоему худому,
О том говорить и думать.
Отделив от всего, воспринял
Меня Ты страшной десницей[4]
И дал на земле отца мне[5],
Повергнув к ногам святого
И бросив в его объятия.
К Отцу Твоему привел он
Меня, о Христе мой Слове,
К Тебе же чрез Духа Святого,
О Троица, о мой Боже!
Плача, как сын Твой блудный[6],
Припал я к Тебе — Ты знаешь,
Но Ты меня вновь удостоил
Сыном Твоим называться.
О, как уста мои, Боже,
Нечисты и недостойны!
Как беден словами язык мой,
Что Тебя воспевать не в силах,
Что благодарить не может
И рассказать немпомобен
О великих благодеяньях,
Которые Ты со мною,
Сиротой и странником, Боже,
На земле изгнания соделал[7].
Ведь твои все странники мира,
А то, что Твое, Владыко,
Что Твоим Ты даруешь, Боже,
Того ни глаза ни видят[8],
Ни язык рассказать не в силах,
Ни мир то вместить не может[9].
Потому нас мир ненавидит[10],
Злословит, преследует, гонит,
Потому он готов убить нас[11]
И на все против нас способен,
Если мы в него попадаем.
Но Ты соизволил, Владыко,

Чтоб мы в немощи были крепки^[12],
В нищете чтоб богаты были,
Чтобы радоваться умели
Среди скорби^[13], живя вне мира.
Мы — с Тобою, Владыко Боже,
Мир же держит лишь наше тело.
Обольщается он, не видя,
Что удерживает лишь бренье,
Но он и его не получит,
Ведь Ты обещал, что станет
И оно всецело духовным
При последней трубе, Владыко^[14].
А тогда этот мир удержит
Вместе с друзьями своими,
Миролюбцами и слепыми,
Лишь одну бесплодную злобу.

---

^[1] Гимн написан политическим пятнадцатисложником.

^[2] Букв. “от земли рождения и дома родителей”.

^[3] Ср. Исх. 12:41-42 (повествование об исходе Израиля из Египта).

^[4] Ср. Исх. 13:3.

^[5] Т.е. преп. Симеона Студита.

^[6] Ср. Лк. 15:11-24.

^[7] Ср. Пс. 118:19.

^[8] Ср. 1 Кор. 2:9.

^[9] Ср. Ин. 8:37.

^[10] Ср. Ин. 15:18-19.

^[11] Ср. Мф. 24:9.

^[12] Ср. 2 Кор. 12:10.

^[13] Ср. 2 Кор. 7:4.

^[14] Ср. 1 Кор. 15:52.

О том, что возлюбивший Бога ненавидит мир (57; 25)

Тень меня покрывает, но я истину вижу:^[2]

Ничего в ней другого, кроме твердой надежды.

А какая надежда? Та, что очи не видят^[3].

Что же это такое? Жизнь, любимая всеми^[4].

Ну, а жизнь — что такое, как не Бог, всех Создатель?

Полюби Его сердцем, ненависть же весь мир сей^[5].

Мир есть смерть: разве стоит то любить, что преходит?^[6]

^[1] Это самый короткий гимн преп. Симеона. Он написан политическим пятнадцатисложником.

^[2] Букв. “Я покрыт тенью и истину вижу” (т.е. я живу на земле, но созерцаю Бога).

^[3] Ср. 1 Кор. 2:9.

^[4] Ср. Ин. 1:4.

^[5] Ср. 1 Ин. 2:15.

^[6] Букв. “Мир — смерть, ибо что он имеет непреходящее?”

Путь к созерцанию Божественного света

Кто хочет увидеть сей свет невечерний, Тот должен всегда соблюдать свое сердце От страстных движений, от помыслов скверных, От гнева, смущения, клятв лицемерных. Внимать себе должен и злобы не помнить, Людей не судить даже в помыслах сердца, Быть внутренне чистым, в словах откровенным, Быть искренним, кротким, спокойным, смиренным[2]. Трапеза его пусть не будет богатой, Молитву и пост да хранит неослабно. И весь его подвиг, и дело любое, И всякое слово — да будет с любовью[3].

[1] Настоящий гимн, написанный двенадцатисложным ямбическим триметром, не входит в корпус “Божественных гимнов” преп. Симеона. Он является поэтической эпиграммой к “Слову о трех образах внимания и молитвы”, которое в рукописной традиции приписывается преп. Симеону, однако в действительности принадлежит другому автору (предположительно, оно написано в XIII в.). Является ли настоящий гимн подлинным произведением преп. Симеона, присоединенным к неподлинному “Слову”, или же автор “Слова” написал гимн в стиле преп. Симеона — ответить на этот вопрос сложно. Во всяком случае, и по стилю, и по ритмике, и по содержанию, настоящий гимн настолько близок к подлинным поэтическим произведениям преп. Симеона, что может с большой долей вероятности считаться принадлежащим его перу. Мы переводим этот гимн по тексту двух рукописей XIV в. (Vatic. gr. 658; Vatic. gr. 730). Название гимна принадлежит иеромонаху Пантелеимону (Успенскому).

[2] Букв. “быть кротким, смиренным, тихим, откровенным и чадом мира”.

[3] Букв. “Над всем же этим началом и концом да имеет главу добродетелей — любовь”.

Общее наставление с обличением ко всем: царям, архиереям, священникам, монахам и мирянам, изреченное и изрекаемое от уст Божиих (58; 50)

Подай, о Христе, мне в словах моих мудрость,
Божественный ум, просвещение свыше,
Ведь знаешь Ты слов моих немощь и бедность,
Мою непричастность всем внешним наукам.
Ты знаешь, что только Тебя я имею,
Познанием, мудростью, жизнью и словом,
Спасителем-Богом, защитником в жизни,
Дыханьем души моей, бедной и нищей.
Я — странник, пришелец, в словах неискusstный,
А Ты — и надежда моя, и поддержка,
Покров мой, прибежище и утешенье,
Хвала моя Ты и богатство и слава.
От мира меня захотел Ты исхитить,
О Слово и Бог, по Твоей благодати,
Хоть я недостойный, ничтожный и странник,
И хуже людей и зверей бессловесных.
Дерзая на милость Твою, умоляя,
Прося, припадая к Тебе, говорю я:
Дай верное слово, дай силу, дай крепость
Сказать всем, кто служат Тебе как Владыке -
Князьям и рабам, совершителям таинств,
Которые мнят, что Тебя они видят,
И служат Тебе, всех Царю и Владыке.
О люди! Цари и все сильные мира,
Священники, архиереи, монахи
И люди всех званий, чинов и сословий[2],
Послушать меня не сочтите излишним,

Мой голос услышьте и слову внимлите,
Хоть я человек совершенно ничтожный.
Откройте мне уши сердец ваших, люди,
Услышьте, познайте, что Бог говорит вам -
Бог всех неприступный, един Вседержитель,
Предвечный, Который рукою содержит
Всю землю и все, что на ней существует[3].
Цари! Хорошо, что ведете вы войны
С народами дикими, если при этом
Вы сами языческих дел не творите,
Обычаев, нравов, советов, решений,
В делах и словах если вы не отвергли
Меня, всех Царя и Владыку вселенной.
Но лучше б вам было блюсти Мое слово
И, строго храня все Мои повеленья,
В блаженнейшей бедности[4] жить безмятежно!
Что пользы страну защищать вам от рабства,
Самим же всегда оставаться рабами
Страстей и пороков и бесов лукавых,
Своими делами себе уготовав
Огонь нестерпимый и вечную муку?
Все те хороши и дела, и поступки,
Что ради Меня человек совершает
И ради любви и из милости к ближним.
Но прежде себя пусть помилует каждый,
Слова Мои все соблюдать пусть стремится,
Всегда принося покаянье от сердца
Во всем, что, конечно, им сделано раньше,
И не возвращаясь к подобным поступкам.
Всегда пусть в словах пребывает Владыки,
В Моих повеленьях и строгих законах;
Пусть все соблюдает он даже до смерти,
Ни словом одним, ни единой чертою[5]
Из книг и Писаний не пренебрегая.
Вот это — Мне жертва, вот это — дары Мне,
И благоуханье и приношенья:
Без этого вы — всех язычников хуже!
Епископы, главы епархий, познайте:
Вы — образа все Моего отпечаток[6],
Поставлены вы говорить предо Мною,
В собраниях праведных вы предстоите,
Зоветесь Моими вы учениками,
Носящими Мой пребожественный образ.
Вы даже над маленьким общим собраньем
Такую великую власть получили,
Какой наделен от Отца Я, Бог Слово.
Я — Бог по природе, но Я воплотился
И стал Я двояким — в двух действиях, волях

И в двух естествах. Нераздельно, неслитно
Я есмь человек, но и Бог совершенный.
И как человек, Я всех вас удостоил
Руками Меня и держать, и касаться^[7],
Как Бог же всегда остаюсь недоступным
И неуловимым для рук ваших бранных.
Невидим для тех Я, кто видеть не могут,
Закланый за всех — неприступным остался,
Двоякий в одной всесвятой Ипостаси.
Среди же епископов есть и такие,
Которые саном гордятся безмерно,
Всегда превозносятся над остальными,
Считая их всех за ничтожных и низких.
Немало епископов есть, что по жизни
Весьма далеки от достоинства сана.
Я здесь говорю не о тех, у которых
Слова согласуются с жизнью, делами,
А жизнь отражает ученье и слово,
Но Я говорю о епископах многих,
Чья жизнь не похожа на их назиданья,
И кто Мои страшные тайны не знают
И мнят, что Мой огненный хлеб они держат,
Но хлеб Мой они, как простой, презирают,
И думают, будто кусок они видят
И хлеб лишь едят, а невидимой славы
Моей совершенно увидеть не могут.
Итак, из епископов мало достойных.
Есть много таких, что высоки по сану,
А видом смиренны — но ложным смиреньем,
Противным, дурным, лицемерным смиреньем.
Гоняясь всегда за людской похвалою,
Меня презирают, Творца всей вселенной,
Как будто бедняк Я худой и презренный.
Они Мое Тело берут недостойно,
Стремясь превзойти всех людей, не имея
Одежды Моей благодати, которой
Они никогда и никак не имели.
Незванно и дерзко в Мой храм они входят,
Вступают вовнутрь несказанных чертогов,
куда недостойны смотреть и снаружи.
Но Я, милосердный, терплю их бесстыдство.
Войдя же, со Мной говорят, словно с другом:
Себя не рабами хотят, но друзьями
Они показать — и стоят там без страха.
Совсем не имея Моей благодати,
Они обещают ходатайства людям,
Хоть сами во многих грехах виноваты.
Они надевают блестящие ризы^[8].

Но чистыми кажутся только снаружи:
Их души — грязнее болотной трясины,
Ужасней они смертоносного яда
У этих злодеев, что праведны с виду.
Как некогда скверный предатель Иуда
Взял хлеб от Меня и вкусил недостойно,
Как будто был хлеб тот простой и обычный,
И тотчас “по хлебе” вошел в него дьявол^[9]
И сделал бесстыдным предателем Бога,
Своей исполнителем воли коварной,
Рабом и слугой своим сделал Иуду,
Так точно случится в неведение с теми,
Кто дерзко и с гордостью и недостойно
К Божественным Тайнам Моим прикоснутся.
Особенно главы епархий, престолов,
Священноначальники часто имеют
И прежде Причастья сожженную совесть^[10],
И после — совсем осужденную совесть.
Входя в Мой божественный двор^[11] с дерзновением,
Бесстыдно стоят в алтарях и болтают,
Не видя Меня и не чувствуя вовсе
Моей неприступной божественной славы,
Ведь если бы видели, так бы не смели
Всегда поступать, не дерзнули бы даже
Войти и в притвор православного храма.
Да, все, что написано мной, это правда.
И всякий желающий в том убедится
По нашим делам, иереев негодных,
И лжи никакой не найдет и признает,
Что Бог чрез меня говорит всем об этом.
Признает он все, если сам он, конечно,
Не кто-то один из творящих все это
И если не тщится он хитрым обманом
Свой собственный срам прикрывать, но однако
Пред всеми людьми и пред силами неба
“Все тайное тьмы” Бог соделает явным^[12].
Но кто же из нас, иереев, сегодня
Сначала очистил себя от пороков
И только потом уж дерзнул на священство?
Кто мог бы сказать дерзновенно, что славу
Земную презрел и священство воспринял
Лишь ради небесной божественной славы?
Кто только Христа возлюбил всей душою,
А золото все и богатство отринул?^[13]
Кто скромно живет и доволен немногим?
А кто никогда не присвоил чужого?
Кого же за взятки не мучает совесть?
И кто не старался при помощи взяток

Сам стать иереем и сделать другого,
Купив и продав благодать и священство?[14]
Кто в сан не возвел недостойного друга,
Ему пред достойным отдав предпочтенье?
А кто не хотел бы епископским саном
Друзей наделить, чтоб в епархиях чуждых
Во всем обладать и влияньем, и властью?
Но это обычным считается делом
И даже безгрешным у тех, кто вмешаться
Хотят непременно в дела всех епархий[15].
А кто не давал по указке начальства,
По просьбе мирских, и князей, и богатых
Священного сана тому, кто не должен
И кто недостойн быть пастырем в Церкви?[16]
Поистине, нет никого в наше время
Из всех их, кто чистое сердце имел бы,
Кого бы не мучила совесть за это,
Ведь он непременно соделал что-либо
Одно из того, о чем сказано выше.
Но все мы без страха грешим ежедневно,
Со злом не борясь, дел добра не являя,
Поэтому мы и не каемся вовсе,
В глубины греха с головой погрузившись,
Бесчувственно в них пребывая все время.
Не ведая вкуса божественной славы,
Не можем отвергнуть мы славу земную,
А эта любовь к человеческой славе
Душе никогда не дает ни смиряться,
Ни также себя осуждать добровольно.
Итак, если понял ты все, то скажи мне:
Кто гонится за человеческой славой,
Кто очень нуждается в тленном богатстве,
Кто золота хочет иметь слишком много,
Кто стал ненасытным в хищенье чужого,
Злопамятным к тем, кто дают не так часто,
Как может сказать, что имеет он Бога,
Что любит Христа, что и Духа имеет?
А кто совершенно Христа не воспринял,
Отца не имеет и Духа не просит,
Чтоб в нем пребывал и ходил ощутимо,
Кто Бога единого в сердце не носит,
Как может служенье нести непорочно,
Кем будет научен святому смиренью,
Как будет научен божественной воле?
Кто станет ходатайствовать за такого
И кто примирить его с Богом способен,
Представить его непостыдным слугою
Пречистого и непорочного Бога,

Который невидим для всех херувимов,
Который для ангелов всех неприступен?
Кто даст ему силу служить непорочно
Священную службу, всегда совершая
Достоинно бескровную страшную жертву?[\[17\]](#)
И кто из людей, кто из ангелов Божьих
Сказать это может и сделать способен?
Но я говорю и всем вам возвецаю -
Никто не прельщайся словами моими! -
Кто прежде всего этот мир не оставит,
Все то, что есть в мире, душой ненавидя[\[18\]](#),
И кто одного лишь Христа не возлюбит
И ради Него не погубит кто душу[\[19\]](#),
Не зная совсем человеческой жизни,
Но как бы всегда, каждый час умирая,
Не будет рыдать о себе кто и плакать,
Влечение к Нему одному лишь имея,
И кто не пройдет чрез труды и печали
И Дуза Святого внутрь сердца не примет,
Которого дал Он апостолам Божьим,
Чтоб с помощью Духа все страсти отринуть,
Чтоб с легкостью в добрых делах упражняться,
Источники слез чтобы стяжать, от которых
Души очищенье, души созерцанье,
Познание святой и божественной воли,
Божественным светом с небес просвещенье,
Небесного света всегда созерцанье,
Бесстрастие и святость даются всем людям,
Которые Господа видеть способны
И в сердце имеют Его постоянно,
Которые Богом хранимы, и сами
Хранят невредимо Его повеленья -
Итак, кто все это в себе не имеет,
Тот пусть не старается стать иереем,
Над душами власть получить не стремится,
Начальником стать пусть отнюдь не дерзает.
Но как Сам Христос и приносится Богу,
Отцу Своему, и Себя же приносит[\[20\]](#),
Так точно и нас Он приносит Владыке
И Сам же опять принимает обратно.
Иначе же нам в осуждение будет
И в суд совершение подобных деяний,
Ведь это страшнее убийства и хуже
Блуда, любодейства и прочих пороков,
Которые против людей совершаем.
Грешим постоянно мы друг против друга,
Но тот, кто торгует божественным нагло

И кто благодать продавать не стыдится,
Тот дерзко грешит против Господа Бога.
Всегда предстоящий пред Словом Небесным
И жить должен так, как Оно повелело.
Ему подражая, пусть так говорит он:
“Лисицы все норы имеют, конечно,
И птицы небесные гнезда имеют,
Лишь я не найду, где главу приклонить мне”[\[21\]](#).
Служитель Христов совершенно не должен
Иметь ничего своего в этой жизни[\[22\]](#),
Но только лишь то, что потребно для тела,
А все остальное для нищих и бедных,
Для церкви, конечно, должно оставаться.
Но если дерзнет он на личные нужды
Церковные деньги использовать властно
И то, что должно оставаться для бедных,
Родным раздавать и друзьям и знакомым,
Дома возводить, покупать себе земли,
И много рабов набирать и прислуги -
Увы, осужден человек этот будет!
Он будет подобен тому, кто растратил
Все деньги жены неразумно и дерзко,
А после никак расплатиться не может,
Никак возместить все убытки не в силах:
Такого берут и в темницу бросают[\[23\]](#).
Так будет и с нами, служащими в церкви,
Берущими смело церковные деньги
Для собственных нужд, для родных и знакомых,
Совсем не заботясь о бедных и нищих,
Дома возводящими, бани и башни,
Обители, замки. Так будет со всеми,
Кто копят приданое, свадьбы играют,
А церкви свои совершенно не любят,
Совсем не заботясь о них и не помня.
На долгое время от них отлучаясь,
Живем мы в других государствах и странах,
А жен своих вдовами мы оставляем,
Не помня о них и совсем не заботясь.
Иные из нас остаются на месте,
Но не из любви к прихожанам и храму,
А только чтоб жить от богатых доходов,
Их тратя на всякое злое распутство.
А кто же из нас, иереев, стремится
Спасти свою душу, Христову невесту?
Хотя б одного среди нас покажи мне -
Я буду и этим, поверь мне, доволен!
Но горе всем нам — иереям, монахам,
Епископам, клирикам века седьмого[\[24\]](#) -

Что мы попираем законы Христовы,
Как будто они ничего уж не стоят.
И если бы где-то такой оказался,
Кто мал пред людьми, но велик перед Богом[25],
Кто, познанный Богом, к страстям не снисходит,
Его, как злодея, всегда изгоняем
Из нашей среды и из наших собраний,
Подобно тому, как Христа отлучили
От Храма начальники, архиереи
И все иудеи, как Сам Он сказал нам
И вновь говорит Своим голосом ясным.
Но Бог вознесет его[26], Бог его примет
И в этой, и в будущей жизни, прославит
Со всеми святыми, которых Он любит.
А что говорит Слово Божье монахам?
Все те, кто стараются жить в благочестье,
Забываются о внутреннем образе больше,
Тогда и все внешнее чистым пребудет[27].
Ведт внешнее пользу приносит лишь людям -
И вам, и всем тем, кто дела ваши видят,-
А то, что внутри, для Меня вожделенно,
Создателя всех, и для ангельских воинств.
Но если заботитесь только о внешнем,
В красивых одеждах, в красивом обличье[28]
Являясь пред всеми людьми постоянно,
И если, во внешних делах упражняясь,
О внутреннем образе Божьем забыли,
Совсем не стремитесь украсить, очистить
Усердьем, трудами, слезами Мой образ,
Который пред Богом и всеми являет
Разумными вас и, конечно, богами,
Тогда вы подобны гробам побеленным,
Как некогда я говорил фарисеям,
Безумие их обличая и гордость:
“Извне вы красивы, внутри же вы гнилы,
Костей полны мертвых, и в сердце гниющем
Исполнены злобы, намерений скверных,
Страстей, помышлений, лукавой заботы”[29].
И кто среди вас ищет подвигов добрых:
Поста, строгой жизни, трудов повседневных,
Железных вериг, власяницы, мозолей
И жесткого ложа, покрытого сеном,
И всяких других добровольных страданий?
Все это прекрасно, когда сочетает
Подвижник такие дела и лишенья
С разумным и внутренним деланьем тайным,
С умом, пониманьем и мудростью скрытой.
А если без них — что великого в этом?

Напрасно себя вы считаете чем-то,
Являясь ничем[30], и гордитесь напрасно!
Без тайного деланья все вы подобны
Одетым снаружи в красивые ризы,
Внутри же — увы! — пораженным проказой.
Приветствуя внешних обычным приветом,
Забываетесь о внутреннем деланье только,
В трудах пребывая, в борьбе повседневной,
В деяньях священных и подвигах добрых,
Чтоб девственны в мыслях вы были пред Богом,
Чтоб всяким познанием ваш ум просветился,
Чтоб были едины со Мною вы, Словом,
В словах Моей мудрости, в знаниях лучших.
Народ Мой священный, все люди Христовы,
Приидите скорее к Владыке и Богу!
Придите ко Мне, узы мира расторгнув,
И всякий обман ваших чувств ненавидьте,
От главных причин всего зла убегайте:
От похоти зренья, от похоти плоти,
От гордости в мыслях и гордости в жизни[31],
От всяких других помышлений напрасных.
Познайте, что всякая в мире неправда
Того, кто ей служит пристрастно и страстно,
В погибель приводит, врагом Моим сделав.
Прими, о народ Мой, влечение в сердце
К Моим бесконечным божественным благам,
Которые Я, на земле воплотившись,
Тебе приготовил, как верному другу,
Чтоб был ты со Мною всегда на трапезе
И в Царстве Небесном со всеми святыми
Вкушал несказанно бессмертные блага.
Познай же себя[32], что ты смертен и тленен,
Что малый остаток ты жизни[33] на свете.
Ничто из мирского с собой не возьмешь ты
Блестящего, сладкого, доброго в жизни,
Когда отойдешь в те селенья отсюда,
Лишь все, что ты сделал в сей временной жизни -
И злое, и доброе — это возьмешь ты.
Познай же всю тленность и смертность земного,
Оставив земное, взойди выше неба:
К Себе, Богу всех и Спасителю мира,
Тебя Я зову, чтоб ты жил бесконечно,
Чтоб благами вечными ты наслаждался,
Которые дам Я всем любящим Бога
Всегда, непрестанно, аминь и во веки![34]

[1] Этот большой (свыше 400 строк) гимн, написанный двенадцатисложным ямбическим триметром, является своего рода духовным завещанием преп. Симеона. В гимне со всей яркостью проявилось негативное отношение автора к епископам, клирикам и монахам его эпохи, которых он обвиняет в гордости, надменности,

отсутствии благоговения, лицемерии, корыстолюбия, взяточничестве, жадности, симонии и других пороках. Подобного рода оценки, очевидно, нельзя считать вполне объективными, хотя бы потому, что в течение многих лет преп. Симеон находился в оппозиции большинству архиереев Константинопольского патриархата: это противостояние не могло не наложить отпечатка личной обиды на его отношение к высшей церковной власти. Несмотря на сказанное, обличения преп. Симеона в адрес духовенства не являются необоснованными: то, что он пишет, в той или иной степени соответствует действительности, а потому сохраняет актуальность и по сей день.

[2] Так мы передаем греческое *migades* (“разночинцы”).

[3] Букв. “в руке Которого дыхание всего существующего”. Ср. Дан. 5:23.

[4] Букв. “в блаженной нищете”.

[5] Ср. Мф. 5:18.

[6] Ср. 1 Кор. 9:2.

[7] Речь идет о таинстве Евхаристии (Причащения).

[8] Ср. Мф. 23:26-27.

[9] Ср. Ин. 13:27 (слав. “и тотчас по хлебе вниде в онь сатана”).

[10] Ср. 1 Тим. 4:2.

[11] Т.е. в храм.

[12] Ср. Мф. 10:26; 1 Кор. 4:5.

[13] Здесь игра слов: кто возлюбил Христа (*christon*) и отринул золото (*chryson*).

[14] Симония, т.е. взимание денег за рукоположение в священный сан, являлась одним из наиболее распространенных пороков высшего духовенства разных эпох. Ср. 29-е Апостольское правило: “Если епископ или пресвитер или диакон получит это достоинство при помощи денег, да будет извержен и он, и тот, кто его поставил, и да будет отсечен от общения, как Симон-волхв (был отлучен) Петром”.

[15] Церковные каноны (8-е правило Ефесского Собора, 9-е правило Антиохийского собора и др.) запрещают епископу одной епархии вмешиваться в дела других епархий.

[16] Епископ, священник или диакон, употребивший “влияние мирских начальников” для получения священного сана, по церковным канонам, должен быть извержен из сана (см. 30-е Апостольское правило, 3-е правило Никейского собора).

[17] Т.е. Евхаристию.

[18] Ср. 1 Ин. 2:15.

[19] Ср. Мф. 16:25.

[20] Это аллюзия на молитву, читаемую во время Литургии священником: “Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемлемый и раздаваемый, Христе Боже наш...”

[21] Ср. Мф. 8:20.

[22] Переводя так, мы следуем чтению Дионисия Загорейского.

[23] Византийская юридическая практика предусматривала тюремное заключение за неуплату долгов.

[24] Т.е. седьмого тысячелетия “от сотворения мира”, по византийскому календарю. Согласно этому летоисчислению, Христос родился в 5508 г., а время жизни преп. Симеона приходилось на 6457-6530 гг., т.е. середину седьмого тысячелетия.

[25] Ср. Мф. 18:10; Лк. 9:48.

[26] Т.е. этого смиренного человека, который велик перед Богом. Ср. Лк. 1:52.

[27] Ср. Мф. 23:26.

[28] Букв. “вы украшаете внешний облик”. В этом тексте облик (*agalma* — изображение, статуя) противопоставляется образу (*eikon* — образ, икона).

[29] Ср. Мф. 23:27-28.

[30] Ср. Гал. 6:3.

[31] Ср. 1 Ин. 2:16.

[32] Изречение “познай себя” было написано на храме Аполлона в Дельфах: см. *Платон*. Протагор 343ab. В византийскую эпоху это изречение было поговоркой.

[33] Выражение “остаток жизни” заимствовано из языка св. Григория Богослова (ср. Слово 40,17: “будучи остатком жизни”).

[34] Так в оригинале: слово “аминь” стоит не в конце фразы, а в середине.

Послесловие

I. Жизнь и творения Преподобного Симеона

1. ЖИЗНЬ

Основным источником биографических сведений о преподобном Симеоне Новом Богослове служит его «Житие», написанное учеником святого преподобным Никитой Стифатом[1]. Другим не менее важным источником служат собственные писания святого Симеона: в отличие от произведений большинства Святых Отцов как предыдущего, так и последующего периодов, все его произведения носят ярковыраженный автобиографический характер. Правда, о внешних событиях своей жизни он говорит очень мало, зато с большой яркостью и полнотой излагает свой внутренний мистический путь.

Преподобный Симеон, согласно общепринятой хронологии И.Озэрра, родился в 949 году. По другой хронологии, предложенной греческим патрологом П.Христу, он родился в 956 году[2]. Местом его рождения было селение Галати в Пафлагонии[3]. Родителей Симеона звали Василий и Феофано: это были богатые и влиятельные византийские аристократы. С одиннадцати лет Симеон живет в Константинополе у своего дяди, который занимал важное положение при императорском дворе, обучается в «грамматической» (средней) школе и проявляет незаурядные способности. Он, однако, отказывается от продолжения обучения в высшей, так называемой «философской» школе. Также он отказывается от чести быть представленным императорам-братьям Василию и Константину Багрянородным, предпочитая оставаться в тени[4].

В одном из гимнов преподобный Симеон так говорит о своей юности: «Родители не питали ко мне естественной любви, братья и все друзья мои смеялись надо мной... Родственники, посторонние, мирские начальники тем более отвращались от меня и не выносили видеть (меня), чем более(стремились) погубить меня своим нечестием. Часто я желал безгрешной славы, но не нашел ее в преходящей жизни... Сколько раз я желал, чтобы люди любили меня, (желал) иметь с ними близость и открытость, но никто не терпел меня... Добрые (люди) избегали меня из-за (моего) внешнего вида, а злых я избегал по собственному изволению»[5]. Очевидно, что при внешнем благополучии Симеон очень рано испытал внутренние глубокие страдания из-за отсутствия близких людей, с которыми можно было бы разделить одиночество, из-за неутоленности, или невозможности утоления земными благами. С другой стороны, у Симеона было врожденное стремление к добру и неприятие греха: «Когда кто-нибудь призывал меня к делам безумия и грехам поистине обольстительного мира сего, все мое сердце сжималось внутри и как бы пряталось, стыдясь самого себя... Советовавших мне прославиться и разбогатеть в жизни я возненавидел ненавистью... от сердца, так что никогда не вступал в разговор с ними, а они, безумные, сильно били меня палками»[6].

Ранняя неудовлетворенность земной жизнью и отсутствие глубокого интереса к ней побудили Симеона читать духовную литературу, а также напряженно искать человека, который мог бы стать его руководителем. Это желание Симеона также не встречало сочувствия окружающих, которые все в один голос говорили, что «такого святого не существует сейчас на земле»[7]. Он, однако, не верил им, продолжая искать духовного отца. В конце концов его поиски увенчались успехом. Попутно отметим, что полемика с теми, кто говорил, что в его времена невозможно достичь совершенства — таких людей Симеон назвал «новыми еретиками»[8] — станет одной из основных тем его будущих произведений.

Встреча с монахом константинопольского Студийского монастыря[9] Симеоном Благоговейным, который стал духовным отцом юного Симеона[10], оказалась решающим и поворотным событием в его жизни. Это был престарелый инок, не имевший никакого священного сана, но несомненно обладавший глубоким мистическим опытом: в его лице Симеон-младший обрел того, кого долго искал. Юный Симеон так полюбил своего наставника, что чтит его, как святого, не считая себя достойным прикоснуться к его одежде и целовать место, на котором он стоял во время молитвы[11].

Однажды старец дал ему прочитать книгу преподобного Марка Подвижника «О духовном законе», где его особенно поразили три изречения: Первое: «Ища исцеления, позаботься о совести, и то, что она говорит, делай; и получишь пользу»[12]. Второе: «Кто прежде исполнения заповедей ищет действий Святого Духа, тот подобен купленному за серебро рабу, который, как только его купили, уже ищет, чтобы вместе с уплатой денег его выписали на свободу»[13]. Третье: «Слепец, взывающий и кричащий «Сыне Давидов, помилуй меня»[14] — это молящийся телесно и еще не имеющий духовного знания. Когда же слепой прозрел и увидел Господа, уже не сыном Давидовым, но Сыном Божиим исповедал Его, поклонившись Ему»[15].

Юный Симеон принял слова святого Марка в качестве руководства к действию. Он начал во всем слушаться голоса совести, стараться исполнять все заповеди Христа и усердно молиться, с каждым днем увеличивая свое вечернее правило. Его молитва стала продолжительной, сосредоточенной и напряженной, часто она сопровождалась слезами. Именно в то время, когда Симеон стоял на одной из своих ночных молитв, его посетило первое мистическое озарение: внезапно его осиял неизреченный Божественный свет, наполнивший собою все помещение. Юноша тотчас забыл, что он находится в доме: он видел отовсюду только свет, и ничто земное не приходило ему на ум. Он был преисполнен радости и слез, как вдруг увидел еще более яркий свет, в котором ему явился его духовный отец... Когда видение прошло, юноша пришел в себя, и вскоре пропел петух — оказалось, что вся ночь прошла незамеченной[16].

Несмотря на такое явное божественное посещение, Симеон еще довольно долго оставался в миру: несколько лет между первым видением света и поступлением в монастырь он считает годами своего духовного падения[17]. Он вел рассеянную светскую жизнь, однако не порывал связь с духовным отцом, которому и обязан своим, на этот раз окончательным, избавлением от уз мира.

Преподобному Симеону было около 27 лет, когда он поступил послушником в Студийский монастырь[18]. Он ревностно предался аскетическим подвигам, однако ему не суждено было прожить в этом монастыре долго: игумена и братию смущала его, на их взгляд чрезмерная, любовь к старцу Симеону

Благоговейному. Отношение Симеона-младшего к Симеону-старшему было основано на полном доверии и послушании: ученик «не смел и шагу ступить» без указания учителя[19]. Игумен несколько раз предлагал молодому послушнику отказаться от руководства старца, но тот не согласился, результатом чего явилось его изгнание из обители.

После этого преподобный Симеон по благословению старца поступил в константинопольский монастырь святого мученика Мамаса[20], где был пострижен в монашество. Это событие заставило его еще более усилить свои аскетические подвиги: «Он упражнялся только в молитве и безмолвии, отдавался изучению Божественных Писаний и совершеннейшим образом соединялся с Богом в созерцании света... Ежедневно он очищал себя Животворящим Хлебом и Честной Кровью Христа, а ел только овощи и семена... и ничего другого во все дни, кроме воскресений, не принимал, в праздничные же дни участвовал в общей трапезе вместе с братией, однако лицо всегда имел кроткое и сокрушенное. Послеблагодарственной (молитвы) он... убегал в келлию и запирали дверь, оставаясь в молитве; затем, некоторое время проведя в чтении, немного отдыхал, преклонившись к земле, ибо у него не было кровати или постели или чего-либо иного, необходимого для тела... Когда ударяли в било, он тотчас вставал (и шел) на Божественную службу, а во время совершения Божественного Возношения (Литургии)... он со слезами молился и беседовал с Богом до того (момента), когда иерей возвышает Хлеб, после чего, весь исполнившись Божественным огнем, принимал Пречистые Тайны и тотчас молча возвращался в своюкеллию»[21].

Следует отметить, что ежедневное причащение, сопровождаемое слезами, являлось характерной чертой духовного облика преподобного Симеона. В этом он был верен древней монашеской практике, а также совету своего духовного отца Симеона Благоговейного, который говорил: «Брат, никогда не причащайся без слез»[22]. Впоследствии, будучи уже игуменом, преподобный Симеон стремился возродить традицию ежедневного причащения, а также настаивал на необходимости слез во время причащения, ссылаясь на слова своего старца. Впрочем, как он сам пишет в 4-м Огласительном Слове, большинство монахов было неспособно подражать ему в этом, а потому его слова о причащении со слезами

встречались с нескрываемой враждебностью и иронией[23]. Что же касается самого Симеона, то он сохранял обычай ежедневного причащения на протяжении всей своей жизни.

В первые годы после принятия монашества преподобный Симеон многократно удостоивался посещений Божественного света: об одном из них он упоминает в том же Огласительном Слове, рассказывающем о юноше Георгии, однако отмечает, что это второе видение было слабее первого — это был лишь «тусклый луч того сладчайшего и Божественного света»[24]. Другое видение описано в 16-м Огласительном Слове — оно было опять очень ярко и привело подвижника в состояние глубокого экстаза[25].

После двух лет пребывания в монастыре святого Мамаса преподобному Симеону было поручено говорить в церкви поучения братии. Когда же скончался игумен обители, монахи избрали на его место преподобного Симеона. Приблизительно в возрасте 31 года он принял хиротонию во иерея и возведен в сан игумена патриархом Константинопольским Николаем II Хрисовергом[26]. Во время хиротонии он опять удостоился видения света: биограф пишет, что когда архиерей читал над ним молитву посвящения, «он увидел Святого Духа, Который сошел безвидно как некий простой и беспредельный свет и покрыл всесвященную его голову — этот свет он видел всегда, когда литургисал, во все сорок восемь лет своего священства»[27].

Когда преподобный Симеон стал игуменом, монастырь святого Мамаса находился в состоянии крайнего упадка, и Симеон берется за его восстановление. Он с успехом занимается монастырским строительством, входит в хозяйственные заботы, однако главной своей задачей считает поднятие духовного уровня братии, которая долгие годы находилась без всякого руководства. Он обращается к монахам с горячими увещаниями, призывая их к совместной борьбе со страстями и исполнению заповедей Христа. Из его писаний, относящихся к этому периоду, таких, как 1-е Огласительное Слово, произнесенное, вероятно, сразу после вступления его в должность игумена[28], видно, что он рассматривает монастырь как единую семью, в которой он, несмотря на свое недостойство и неподготовленность, поставлен отцом по воле Божьей. «Удивительно видеть, — пишет исследователь, — как Симеон в первом же своем обращении к монахам пытается установить между собой и монахами личные духовные связи... Было совсем непросто воплотить высокие духовные идеалы нового игумена в таком монастыре, где духовная жизнь едва теплилась. Зная это, Симеон неоднократно делает попытки установить единое согласие всей братии в общем деле восстановления монастыря. Он постоянно призывает их начать новую жизнь»[29].

Горячая проповедь преподобного Симеона не осталась без ответа: вскоре монастырь наполнился новыми иноками, среди которых было немало преданных учеников Симеона. Молодой игумен приобретает популярность среди жителей Константинополя, его последователями становятся многие государственные чиновники и именитые патриции. Главной темой большинства его проповедей является призыв к мистическому единению со Христом, которое, по его мнению, возможно и достижимо для каждого желающего[30].

Все слова и призывы святого Симеона исходили из его собственного опыта. В молодости удостоенный первого посещения Божественного света, он все чаще и чаще созерцал этот свет, хотя долгое время не сознавал, что в виде света ему является сам Христос, до тех пор, пока Христос не заговорил с ним. Во 2-м Благодарении он подробно рассказывает о том, как однажды он услышал голос Христа, Который сказал ему: «Я — Бог, сделавшийся человеком ради тебя, и так как ты от всей души взыскал Меня, то вот, отныне ты становишься братом Моим, сонаследником Моим и другом Моим»[31]. Из других писаний святого Симеона видно, что после этой особой личной встречи со Христом мистическое чувство близости Христа становится для него постоянным.

Преподобный Симеон не считал возможным скрывать свой духовный опыт от монахов, к которым относился как к родным братьям. Движимый горячей любовью к ним, он в своих проповедях раскрывал перед ними душу, надеясь, что и они последуют его примеру, взыщут Бога от всего сердца и удостоятся видеть Его. Однако далеко не все слушатели были способны воспринять учение Симеона и следовать ему: многим его духовный идеал казался непомерно высоким. Некоторые монахи, привлеченные его святостью, впоследствии оказались недостаточно стойкими и ушли из монастыря, что причинило огромные страдания любящему

игумену. С другой стороны, и в среде тех, кто оставался в обители, постепенно зрела оппозиция: между игуменом и частью братии возникло непонимание. Симеону ставили в вину то обстоятельство, что он слишком часто говорит о своем духовном опыте — это могло казаться нарушением монашеской этики, согласно которой монах не должен рассказывать о себе. Настойчивое требование стремиться к духовным дарам раздражало тех, кто их не имел, подтверждением чему служит упомянутый эпизод, когда Симеон говорил о причащении со слезами, а монахи ответили на это насмешками[32]. Наконец, не могли остаться незамеченными и некоторые особые мнения святого Симеона — о бесполезности крещения для тех, кто во время таинства ничего не ощутил, о недействительности причащения для тех, кто не видит Христа очами души, о невозможности спасения для допускающих в себе хотя бы одну малую страсть и т.д. Подобные идеи, высказанные в остром полемическом тоне, могли подать повод к обвинению святого Симеона в неправомыслии.

Атмосфера в монастыре становилась все более беспокойной. В период патриаршества Сисинния I (995-998) произошло открытое выступление части монахов против своего игумена: когда он проповедовал во время утрени, они с дикими криками набросились на него и хотели изгнать его из монастыря, однако святой стоял неподвижно, опустив руки и смотря на своих ненавистников с улыбкой и «светлым лицом»; не помня себя от гнева, они с дикими криками выбежали из церкви, сломали замки на воротах монастыря и побежали через весь город к патриарху Сисиннию[33]. Патриарх вызвал святого игумена и, расспросив его, удостоверился в его невиновности. Он хотел изгнать бунтовщиков, но преподобный умолил его возвратить их всех в обитель[34]. После этого он оставался игуменом в течение десяти лет и затем добровольно передал свои обязанности ученику Арсению[35].

Удалившись на покой, преподобный Симеон, вероятно, предполагал остаток дней провести в безмолвии, однако его ждали новые испытания. Против него выступил Никомидийский митрополит Стефан[36], обвинивший Симеона в излишнем почитании его духовного отца, к тому времени давно скончавшегося. Ежегодно в день памяти своего старца преподобный Симеон устраивал в монастыре торжественное празднование, на которое съезжались многие почитатели святого, была написана икона Симеона Благоговейного и составлена служба ему[37]. Стефан упрекал преподобного Симеона за то, что он прославлял своего старца как святого, тогда как тот еще не был официально канонизирован. Это было столкновение законнического формализма с подлинной духовностью: для преподобного Симеона святость духовного отца была вне всяких сомнений, и ему не требовалось официального подтверждения этой святости.

Однажды Стефан, встретив Симеона в патриархии, задал ему вопрос: «Как разделяешь ты Сына от Отца, умственным различием или действительным?»[38] Вопрос Стефана отражает один из важнейших догматических споров той эпохи, хотя и задан, вероятно, с целью продемонстрировать некижность и неученость святого Симеона. Святой Симеон не отвечает сразу, а обещает представить ответ в письменном виде, после чего возвращается в келлию и пишет послание в стихах, известное как 21-й гимн. Изложив вначале учение о Троице, он затем нападает на тех, которые, подобно Стефану, дерзают богословствовать, не имея мистических даров: это очень характерная для святого Симеона тема, и здесь она раскрывается с особой полемической остротой. Святой Дух, согласно Симеону, посылается «не славлюбцам, не риторам, не философам, не изучившим эллинские писания... не говорящим изящно и красноречиво, не произносящим великие имена, не достигшим дружбы со славными... но нищим духом и жизнью, чистым сердцем и телом, имеющим простое слово и еще более простую жизнь»[39]. Косвенно обличив таким образом Стефана, Симеон переходит затем в открытую атаку: «Ужаснись, человек, познай самого себя... отбрось любопытство, отложи хульные слова! И во-первых скажи, как нам спастись, а затем (расскажи), как ты сам спасся, чтобы тебе не явиться учащим (только) на словах, но и на деле показаться усердным... Сначала положи камень в основание, ибо на воздухе не строится здание...» И так далее[40].

Можно себе представить, в какое негодование должно было привести это письмо честолюбивого митрополита. Он жалуется на Симеона патриарху и архиереям, вызывает его на судебные разбирательства и

допросы, наконец, добивается изгнания преподобного из монастыря. Это произошло, по мнению [И.Озэрра](#), в начале 1009 года, а согласно хронологии [П.Христу](#), в 1020 году. Одновременно Стефан организует гонение на иконы святого [Симеона Благоговейного](#), которые по его приказанию варварски уничтожаются[\[41\]](#). Преподобный [Симеон](#), изгнанный за пределы Константинополя, поселился возле церкви святой Марины в селении [Хрисополь](#)[\[42\]](#) где устроил небольшой монастырь. Вскоре его почитатели добились того, что он был полностью оправдан патриархом и синодом и получил предложение вернуться в свою [прежнюю обитель](#) или [даже занять](#) архиерейскую кафедру[\[43\]](#). Он, однако, отказался от этих предложений и оставшиеся годы провел в монастыре святой Марины в окружении преданных ему учеников. Несмотря на бурные события и [связанные](#) с ними душевные потрясения, внутренняя мистическая жизнь у преподобного [Симеона](#), как кажется, никогда не ослабевала. Он удостоился многих духовных даров, в том числе прозорливости, пророчества и [чудотворения](#). Никита [Стифат](#) повествует о многочисленных чудесах святого [Симеона](#). Однажды он исцелил от тяжкого недуга некую [игумению](#), явившись ей в видении вместе со своим старцем [Симеоном](#) Благоговейным. В другой раз он исцелил юношу, который не мог вкушать пищу: он благословил кусок хлеба и подал юноше, после чего тот сразу выздоровел. Он также вернул здоровье парализованному [мальчику](#), пролежавшему в расслаблении четыре года, помазав его маслом из лампы, теплившейся перед иконой святой Марины. Был случай, что при приближении святого тотчас выздоровел его друг Орест, у которого, вероятно, в результате инсульта, искривилось лицо, так что он не мог разомкнуть губы. Описывая эти случаи, биограф каждый раз отмечает огромную жалость, которую проявлял [Симеон](#) по отношению к больным, и его слезы при виде человека, пораженного недугом[\[44\]](#). Назадолго до смерти преподобного [Симеона](#) посетила болезнь, которую он переносил с кротостью и терпением. Его тело было до крайности истощено, и он уже не мог самостоятельно передвигаться, но проводил дни лежа в постели, отдаваясь непрестанной молитве. Он, конечно, не мог уже ежедневно совершать Литургию, как он это делал всю жизнь, однако [по-прежнему каждый день причащался](#), готовясь к своей смерти, время которой было ему заранее известно. Он предсказал ученикам, что через 30 лет после его кончины произойдет торжественное перенесение его мощей: это впоследствии исполнилось. Преподобный [Симеон](#) скончался по одним данным в возрасте 73 лет 12 марта 1022 года, по другим — в возрасте 79-80 лет 12 марта 1037 года, окруженный учениками, которые со слезами на глазах и с зажженными светильниками читали над ним отходную[\[45\]](#).

2. ТВОРЕНИЯ

Преподобный [Симеон](#) оставил богатое письменное наследие, включающее в себя 3 Богословских и 15 Нравственных Слов, 34 Огласительных Слова, 2 [Благодарения](#), 58 Гимнов, 225 Глав и 4 Послания. Значительная часть этих произведений была издана [Дионисием Загорейским](#) в 1790 году в переложении на новогреческий язык. С этого весьма несовершенного издания святитель Феофан Затворник перевел «Слова» преподобного [Симеона](#) на русский язык[\[46\]](#), что дало возможность нашему читателю в конце XIX века познакомиться с творчеством великого византийского мистика. Однако подлинный древнегреческий текст произведений святого оставался до последнего времени [неизвестным](#).

Первое критическое издание древнегреческого оригинала произведений [Симеона](#) Нового Богослова осуществлено в 1957-73 гг. издательством Cerf в серии «Sources Chrétiennes». Текст восстановлен по рукописям XI-XVII веков, снабжен предисловиями, приложениями, богатым научным аппаратом и параллельным французским переводом. В 9 томов вошли:

- 1) Богословские и деятельные главы (SC 51, подготовка текста [Ж.Даррузес](#)),
  - 2) Слова богословские и нравственные, в 2-х томах (SC 122 и 129, издатель [Ж.Даррузес](#)),
  - 3) Слова огласительные, в 3-х томах (SC 96, 104 и 113, подготовка текста [В.Кривошеина](#) и [Ж.Парамеля](#)),
  - 4) Гимны, в 3-х томах (SC 156, 174, и 196, подготовка текста [И.Кодера](#)).
- 10-й том, содержащий Послания [Симеона](#), еще не вышел из печати.

Издание «Sources Chrétiennes» — плод многолетней критико-текстологической работы крупнейших византологов и патрологов Запада. Оно включает в себя все подлинные произведения

преподобного Симеона и может служить основой для дальнейшего богословского изучения его письменного наследия.

[1] Vie de Syméon le Nouveau Théologien par Nicéas Stéthatos // Orientalia Christiana XII. Roma, 1927. Далее Vie.

[2] Существует три хронологии жизни преп. Симеона. Первую предложил в 1898 г. К.Холль (см. *K.Holl. Enthusiasmus und Bussgewalt beim greichischen Mönchtum. Leipzig, 1898. S.23-26*). Затем в 1927 г. И.Озэпп в предисловии к изданию Жития преп. Симеона предложил другую хронологию (см. Vie: Introduction par I.Hausheer, XC). Эта хронология считается общепринятой в современной науке, хотя и оспаривалась неоднократно учеными. В частности, греческий патролог П.Христу предложил еще одну хронологию преп. Симеона (*Symeon ho Neos Theologos. Bios, kefalalaia, eucharistiai. Thessalonike, 1983. Sel. 12-24*). В дальнейшем изложении жизни преп. Симеона мы ориентируемся на хронологию Озэппа, хотя и не считаем ее бесспорной.

[3] Пафлагония — византийская провинция на южном побережье Черного моря.

[4] После внезапной смерти императора Романа II (959-963) на престоле оказались его сыновья Василий (5 лет) и Константин (3 лет), однако фактическим правителем империи стали сначала Никифор Фока (963-969), затем Иоанн Цимисхий (969-976). Лишь после смерти Цимисхия Василий получил полноту власти и царствовал почти полвека (976-1025).

[5] Н. 20, 98-119.

[6] Н. 20, 126-147.

[7] Euch. 1, 78-80.

[8] Ср. Н. 21, 302-304, а также Cat. 29, 137-150.

[9] Студийский монастырь, основанный в 463 г., находился недалеко от Золотых ворот в Константинополе.

[10] О Симеоне Благоговейном см.: *Иеромонах Иларион (Алфеев). Преподобный Симеон Новый Богослов и православное Предание. М., 1998. С. 167-210.*

[11] Vie 12, 20-26.

[12] О духовном законе 69 (PG 65, 913 C).

[13] О думающих оправдаться делами (PG 65, 940 A).

[14] Ср. Мк. 10:48.

[15] О духовном законе 11 (PG 65, 908 A). Ср. Ин. 9:35-38.

[16] Vie 5, 1-31. Этот же эпизод рассказан самим преп. Симеоном в Cat. 22, 88-113.

[17] Euch. 2, 41-46.

[18] *B.Krivochéine. SC 96, 23.*

[19] Vie 12.

[20] Монастырь св. мученика Мамаса (или Маманта) находился недалеко от Ксирокеркских ворот в Константинополе. Он был основан в конце VI в. и ко времени преп. Симеона пришел в упадок.

[21] Vie 24, 9-27, 9.

[22] Cat. 4, 11-12.

[23] Cat. 4, 1-18.

[24] Cat. 22, 314-318.

[25] Cat. 16, 78-107.

[26] Николай Хрисоверг до патриаршества был митрополитом Адрианопольским. Занимал патриарший престол в Константинополе с 979 по 991 гг.

[27] Vie 30, 13-18.

[28] *B.Krivochéine. SC 96, 33.*

[29] Ibid., 35-36.

[30] Ср. Н. 27, 131-132.

[31] Euch. 2, 230-233.

[32] Cat. 4, 1-18.

[33] Vie 38, 7 — 39, 14.

[34] Vie 39, 14 — 40, 10.

[35] Vie: Introduction par I.Hausherr, XC.

[36] Стефан был возведен в сан митрополита Никомидийского в 976 г., однако, оставив митрополию, жил в Константинополе и был близок к Патриарху и ко двору (Vie 74, 5-12).

[37] Vie 72-73.

[38] Vie 75, 16-17.

[39] Н. 21, 54-68.

[40] Н. 21, 312-328.

[41] Vie 93, 1-12.

[42] Хрисополь находился недалеко от Константинополя на азиатском берегу Босфора. Один из знатных учеников преп. Симеона, Христофор Фагура, владел там участком земли, который и подарил Симеону, узнав о его изгнании из столицы (Vie 100).

[43] Vie 102,14 — 103,18. Описываемые события произошли при Патриархе Сергии II (998-1019).

[44] Vie 113-122.

[45] Vie 128-129.

[46] Слова преподобного Симеона Нового Богослова. Перевод епископа Феофана. Вып. I-II. М., 1890-1892.

Божественные гимны

1. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

В «Житии» преподобного Симеона Никита Стифат трижды упоминает «Гимны», однако не говорит о времени их написания. В первом случае Никита повествует о назначении Симеона игуменом монастыря святого Мамаса, в связи с чем отмечает, что «удостоенный апостольских дарований, то есть слов учения, он был и казался лирой, которой таинственно касается свыше Дух, и иногда составлял в свободном размере любовные (излияния) Божественных гимнов, иногда же... записывал Огласительные Слова»[1]. Во втором случае речь идет о последнем периоде жизни преподобного Симеона в Хрисополе, в монастыре святой Марины: «Отдыхая, наконец, от всех своих дел, он вновь обретает драгоценное безмолвие, от которого он никогда не удалялся даже будучи в вихре дел... он целиком отдается своим духом привычным для него созерцаниям и озарениям. Отодвигая свое земное и осязаемое тело, он, еще будучи здесь, покидает его и своим разумом и духом совершенно соединяется с Богом, от Которого он (и раньше) никогда не отлучался: его язык становится огненным языком, и он богословствует любовные (излияния) Божественных гимнов, подгоняемый дуновением Духа, он невольно публикует то, что видел в откровениях от Бога, и то, что став выше естества, созерцал в своих видениях»[2]. Наконец, в третий раз Никита упоминает о Гимнах, когда перечисляет сочинения преподобного Симеона, доставшиеся ему после смерти последнего[3].

На основании первого из приведенных свидетельств архиепископ Василий (Кривошеин) считает, что свои главные работы, среди которых Гимны и Оглашения, преподобный Симеон написал между 30 и 50 годами[4]. Кодер, напротив, исходя из второго свидетельства Никиты, считает, что большая часть Гимнов, во всяком случае «самые важные» из них, должны быть отнесены к последнему периоду жизни Симеона, то есть после его изгнания из монастыря святого Мамаса[5]. Думается, однако, что не следует ограничивать время создания Гимнов указанными периодами, так как вполне вероятно, что преподобный Симеон писал их даже до своего поступления в монастырь. Скорее всего он, как и большинство великих поэтов, писал стихи в течение всей своей жизни, хотя, конечно, будучи на покое в Хрисополе, он имел больше досуга для поэтического творчества, чем в период своего игуменства в Константинополе, тем более, что, как указывает Кодер, ссылаясь опять же на Никиту, видения и откровения Симеона «стали более яркими и частыми во время его старости»[6].

В любом случае, пытаясь установить время написания Гимнов, мы можем говорить не о «корпусе» в целом, а лишь об отдельных конкретных гимнах, потому что «Божественные гимны» преподобного Симеона не являются цельным литературным произведением, а представляют собой сборник его стихотворений и поэм. Что же касается отдельных гимнов, то из них лишь 21-й гимн, как считает И.Кодер, может быть точно датирован: об этом гимне, представляющем собой послание в стихах Стефану Никомидийскому, известно,

что он был составлен около 1003 г. Еще несколько гимнов содержат намеки на известные события биографии Симеона, что позволяет соотнести время их написания с тем или иным периодом его жизни. Исходя из имеющихся намеков, Кодер датирует гимны 7, 10 и 37 периодом после смерти Симеона Студита, потому что в них упомянуто это событие. Гимны 14 и 19 Кодер относит к периоду игуменства Симеона, а гимны 15 и 43 к моменту восстания в монастыре святого Мамаса, которое произошло между 995 и 998 гг.[7] О времени написания других гимнов ничего определенного сказать нельзя.

Преподобный Симеон не хотел публиковать свои гимны при жизни[8]. Главной причиной этого было, очевидно, то обстоятельство, что большинство из них имеет сугубо личный, интимный характер, и в них говорится о наиболее сокровенном опыте; часто Симеон сам пишет о своем ужасе при мысли о том, чтобы сообщить кому-либо свои видения:

Как я поведаю, Владыко,
О чудесах Твоих великих?
Как словом выразить сумею
Твои таинственные судьбы?[9]
И далее, обращаясь к собеседнику:
О, если б знал ты тайн глубины,
Не понуждал бы ты об этом
Писать и говорить открыто.
Я трепещу и ужасаюсь,
Стараясь выразить словами
И тростью начертать пытаюсь
То, что поведать невозможно...[10]

С другой стороны, преподобный Симеон прекрасно понимает, что описываемый им опыт является исключительным и превосходящим понимание, а потому читатель может просто не поверить тому, о чем он говорит, или не понять этого. Он часто обращается к читателю с краткими увещаниями вроде «поверь мне», «не сомневайся» и др.[11] Он просит Христа прийти на помощь и подтвердить истинность его слов, чтобы они «невеждам не казались болтовней»[12].

Надо отметить, что и Никита решился на публикацию гимнов своего духовного отца не без некоторого страха. Во всяком случае, он предпослал сборнику обширное предисловие, в котором подтверждает правильность богословия Симеона, его верность православной традиции и даже прямую зависимость от учения «великого Дионисия»[13]. Никита особенно опасается, что неподготовленные и неопытные в духовной жизни читатели, взявшись за Гимны Симеона, не поймут их «весьма возвышенного и поднимающегося выше чувств» содержания и тем самым причинят себе вред вместо пользы[14]. Свое предисловие Никита заканчивает следующим предупреждением: «Те, кто не вкусили благ и, в силу присущей им тупости, не вмещают высоких созерцаний, пусть и в руки не берут эти гимны и не исследуют с любопытством того, что в них написано»[15].

Не предполагая, что гимны будут опубликованы, преподобный Симеон, очевидно, не переписывал их набело и не редактировал: часто встречающиеся в тексте грамматические и синтаксические неровности наводят на мысль о том, что иногда перед нами черновик, написанный в порыве вдохновения. Автор, как это часто случается в подобных случаях, спешил выразить мысль и зафиксировать состояние, пренебрегая поначалу внешней формой стиха или, может быть, надеясь, что отшлифовать написанное удастся когда-нибудь потом. В конце концов вся эта редакторская работа досталась Никите. Преподобный Симеон также не давал названий своим гимнам (во всяком случае, большинству из них). Гимны озаглавлены, очевидно, тоже Никитой, причем не всегда заглавия вполне соответствуют содержанию: например, прозаическое введение в гимны, названное «молитвой Святому Духу», скорее представляет собой молитву Святой Троице. Что касается названия всего сборника *Ton theion hymnon hoi erotes*, которое можно перевести как «Гимны Божественной любви» или «Любовь к Божественным гимнам», а еще точнее «Любовные (излияния) Божественных гимнов», то оно, по-видимому, тоже принадлежит Никите, который был большим

поклонником **Дионисия Ареопагита** и озаглавил сборник своего учителя по аналогии с *erotikoi hymnoi* — «Любовными гимнами», цитируемыми Ареопагитом[16].

Гимны преподобного **Симеона** отличаются один от другого по длине. Самый короткий состоит из семи строк, в каждой из которых 12 слогов[17]. Самый длинный содержит в себе 858 строк по 8 слогов[18]. К нему приближается по размеру послание **Стефану Никомидийскому**, в котором около 500 строк[19].

Содержание гимнов тоже исключительно разнообразно. Большинство из них говорит о видении Бога, созерцании Божественного света, единении с Богом (1, 2, 8, 9, 11, 14, 15 и т.д.): это в основном описания мистического опыта святого **Симеона**. Несколько гимнов имеют подзаголовок «О богословии» (31, 33, 38, 52) и затрагивают догматические вопросы, хотя почти везде **Симеон** выходит за рамки указанной в заглавии темы. Многие гимны обращены непосредственно к Богу — это молитвы в стихах: они имеют подзаголовки «благодарение с исповеданием и богословием» (20), «исповедание, соединенное с молитвой» (46), «моление» (7), «моление и молитва» (37). Отдельные гимны обращены к монахам и священникам: здесь и совсем короткое стихотворение, рисующее образ идеального монаха (3), и более пространное поучение новоначальным монахам (4), и рассуждение о высоте священнического служения(14) и, наконец, «общее наставление с обличением ко всем: царям, архиереям, священникам, монахам и мирянам» (58).

Поводом к написанию гимнов служили, в большинстве случаев, не внешние события биографии преподобного **Симеона**, а факты его внутренней духовной жизни. Гимны **Симеона** — своего рода «духовный дневник», в котором описаны «привычные ему созерцания и озарения», как замечательно выразился Никита **Стифат** по поводу видений Симеона[20], в котором запечатлены чувства глубокой любви к Богу, радости от переполняющего ощущения Его присутствия и скорби в моменты богооставленности. Лучшую характеристику всего сборника дает иеромонах Пантелеимон (Успенский): «Гимны преподобного **Симеона** — это летопись души, повествующей о том, как она очистилась от страстей и пороков, убелилась слезами и покаянием, всецело соединилась с Богом, **уневестились** Христу, приобщились Его Божественной славы и в Нем нашла упокоевание и блаженство. В гимнах преподобного **Симеона** описано и запечатлелось как бы дыхание или трепетное биение души чистой, святой, бесстрастной, божественной, души, уязвленной любовью ко Христу и **истаевающей** от нее, воспламененной божественным огнем и горящей внутри, непрестанно жаждущей воды живой, ненасытно алчущей хлеба небесного, постоянно влекущейся горе, к небу, к Божественному свету и к Богу»[21].

2. МЕТРИКА ГИМНОВ

Будучи столь оригинальными по содержанию, гимны преподобного **Симеона** весьма необычны и по форме. **Симеон** пользовался тремя стихотворными размерами, которые не традиционны ни для античной классической поэзии, ни для византийской церковной гимнографии. Несколько гимнов написаны «анакреонтическим **восьмисложником**». Другой размер, употребляемый **Симеоном** — двенадцатисложный ямбический триметр, свойственный византийской «ученой» поэзии его эпохи. Большинство же гимнов написаны **пятнадцатисложным** «политическим» (гражданским) стихом, широко распространенным в народной поэзии Византии[22]. В некоторых гимнах размер переменный — сначала двенадцатисложный, потом **пятнадцатисложный**[23]. Многочисленные метрические отклонения и неправильности, встречающиеся почти во всех гимнах, свидетельствуют не только о том, что **Симеон** писал, может быть, несколько поспешно, но и о свободе и непринужденности, с которыми он пользовался стихотворными размерами: он всегда отдавал предпочтение содержанию перед формой[24]. На это и указывает Никита **Стифат**, когда говорит, что **Симеон** составил свои гимны «свободным размером» (en ametro metro) — буквально «безразмерным размером»[25].

Метрика **Симеона**, как правило, основана на акценте. В тех же стихах, где наличествует квантитативная метрика, **Кодер** видит вмешательство Никиты и его «усилия по улучшению метрики»[26]. В основном во всех трех используемых **Симеоном** размерах соблюдается количество акцентов и слогов. Конечное ударение каждой строки обычно падает на предпоследний слог (парокситон).

Восьмисложник Симеона больше, чем другие размеры, приближается к силлаботонике. Чаще всего ударения в словах совпадают с метрическим акцентом, то есть падают на 3-й, 5-й и 7-й слоги. Впрочем, встречается и

акцентуация четных слогов, однако ударение на последний слог (окситон) употребляется лишь в виде исключения.

Кодер считает, что нерегулярность метрики связана с «бессознательным влиянием» политического 15-сложника на анакреонтический восьмисложник. Он также полагает, что у Симеона не было четкого представления о месте ударения в стихе[27], то есть в его гимнах нет четкого соответствия между лексическими ударениями и стиховыми акцентами.

Что касается ямбического триметра, то он в эпоху преподобного Симеона настолько отошел от своего античного прототипа, что исследователи предпочитают говорить о «византийском двенадцатисложнике»[28]. Изредка этот размер употреблялся в церковной гимнографии: им, в частности, написаны «ямбические каноны» преподобного Иоанна Дамаскина на Рождество, Богоявление и Пятидесятницу. Каждый стих 12-сложника у преподобного Симеона делится на два полустишия с цезурой после 5-го и 7-го слога (но чаще после 5-го)[29].

Наиболее употребительным размером у Симеона является 15-сложный политический стих — им написано около двух третей всех имеющихся гимнов. Кодер считает, что употребление этого «народного» размера в серьезной поэзии для XI века было «сенсацией»[30]. Он утверждает, что Симеон первым ввел этот размер в богословскую литературу[31]. Это, однако, не вполне верно, так как задолго до Симеона император Константин Багрянородный[32] написал этим размером свои **одинадцать воскресных «экзапостилариев»**, которые вошли в богослужение Православной Церкви. Именно труд Константина открыл путь политическому стиху в высокую литературу, хотя в литургической гимнографии он не получил широкого распространения[33]. Следовательно, ко временам Симеона политический стих уже прошел часть этого пути и во всяком случае не может считаться «открытием» Симеона.

В пятнадцатисложнике Симеона каждая строка делится на два полустишия с цезурой обычно после 8-гослога. В отличие от более поздних образцов (XIII-XIV вв.), для которых характерны ритмические ударения на 2-й, 4-й, 6, 8, 10, 12 и 14-й слоги, то есть ярко выраженная ямбичность[34], в 15-сложнике Симеона достаточно свободная акцентуация, не подчиняющаяся строгим закономерностям, за исключением цезуры после 8-го слога и парокситонического окончания каждого второго полустишия.

Анализ метрики «Божественных гимнов» показывает, что для Симеона размер не играл решающей или даже сколько-нибудь существенной роли: он часто игнорирует основные нормы стихосложения, нарушает количество слогов в стихе, смещает цезуры и ударения, переходит от одного размера к другому. В некоторых случаях, особенно при цитатах из библейских и литургических текстов, а также при аллюзиях на эти тексты, метр вообще не соблюдается[35]. Важно отметить также, что в отличие от многих византийских поэтов его эпохи, Симеон не стремится к использованию устаревшей античной метрики, что делало бы его стих архаичным и малодоступным даже для его современников. Напротив, он избирает живые, бывшие у всех на слуху и легко воспринимаемые размеры.

3. ЯЗЫК И СТИЛЬ ГИМНОВ

Преподобный Симеон был совершенно чужд риторике и преклонению перед античностью. Если какие-то черты стиля Симеона и перекликаются с риторикой, то сходство может быть лишь внешним, обусловленным общим мироощущением эпохи, которое выражалось определенными понятиями и находило отражение в тех или иных литературных приемах. Например, для любого произведения риторики характерна интонация удивления и изумления перед описываемым предметом, будь то солнце или луна, античная статуя или христианская икона, ратные подвиги полководца или смиренная жизнь отшельника: по законам жанра византийский ритор был «обязан» восхищаться своим предметом, что дает право С.Аверинцеву при характеристике византийской риторики говорить о «неизреченности как презумпции недоумевающего изумления перед всем на свете», а это, по его мнению, было «употребительнейшим общим местом еще с античных времен»[36]. У преподобного Симеона мы постоянно встречаем изумленные восклицания и вопрошания: «о странное и неизреченное чудо!»[37], «я и хотел бы говорить, но не в силах»[38], «как расскажу?», «как поведаю словом?»[39], «слово не в силах высказать, а жалкая рука моя описать»[40], и так далее. Однако все это не имеет ничего общего с риторикой и даже не может быть названо литературным или

стилистическим «приемом», так как у **Симеона** всегда речь идет о *действительном чуде*, и он описывает состояние человека, оказавшегося перед лицом этого чуда. Для него невозможны наигранные чувства и искусственность стиля, потому что он говорит языком *облагодатствованного* человека: он и сам сравнивает свою речь с «новыми языками», дарованными апостолам в день Пятидесятницы^[41]. Преподобный **Симеон** не просто констатирует «неизреченность» того, о чем пишет, но и в самом деле не находит слов, чтобы выразить переполняющие его чувства благоговения и удивления перед открывающейся ему божественной реальностью.

То же самое следует сказать о тех жанровых приемах, которые могли быть заимствованы преподобным **Симеоном** из церковной *гимнографии*, например, о диалогах — с Богом, с воображаемым собеседником, со своей душой, а также о тех случаях, когда автор говорит от лица Бога. Подобные формы имеют место в *гимнографической* традиции, восходящей к Роману Сладкопевцу. Однако, как справедливо отмечает **Кодер**, «у Романа риторический вымысел между персонажами, о которых идет речь, вводится для придания большей живости изложению или учению, а **Симеон**... воспроизводит речи и мысли, которые в своем созерцании он получил от Христа: речь идет не о вымысле, а о беседе, имевшей место в действительности»^[42]. Иными словами, его диалоги с Богом — не фантазии литератора, а откровения *тайновидца*.

Часто в гимнах преподобного **Симеона** участвует некий невидимый «собеседник», задающий короткие вопросы: иногда это ученик или «духовный сын», которому **Симеон** разъясняет ту или иную мысль, а иногда оппонент, которого он опровергает. «Ученик» обычно спрашивает «как?», «каким образом?», «почему?», «объясни мне»^[43], а «оппонент» — «не стыдно ли тебе так говорить?»^[44] или «я подозреваю, что ты изрек хулу»^[45]. Первый получает ответ в соответствии с тоном своего вопроса: «послушай, чадо»^[46], «терпеливо внимай, чадо»^[47], «внимай, старательно исполняй, и скоро найдешь»^[48], «сейчас объясню»^[49]. А второй (оппонент) нередко слышит грозную отповедь вроде «перестань, человек, содрогнись, смертный»^[50], или «о помрачение! о ослепление!.. о дерзость! о мудрования Иуды-предателя!»^[51], или, наконец — «недостойные, удалитесь прочь!»^[52] В свою очередь, и автор задает вопросы «собеседнику», а потом сам же на них отвечает: «Итак, каков этот Божественный огонь, как ты думаешь? Не считаешь ли ты его видимым или *тварным* или уловимым? Но он отнюдь не таков!..»^[53] Все это, однако, нельзя назвать «диалогами с воображаемым собеседником», характерными для риторики, потому что *собеседники Симеона* — реальные лица, его последователи или противники, и в гимнах воспроизведены беседы и споры, происходившие на самом деле. Эти диалоги помогают понять ту атмосферу, в которой жил и проповедовал преподобный **Симеон**, оценить непонимание и протесты, с которыми он сталкивался.

Встречается у **Симеона** и «диалог со своей душой», характерный для византийской поэтической традиции — вспомним знаменитые обращения к душе в Великом покаянном каноне святого Андрея Критского: «Душе моя! душе моя! *востани*, что спиши?»^[54], или часто встречающиеся в греческом корпусе творений преподобного **Ефрема** Сирина «обличения самому себе». Впрочем, еще святитель Григорий Богослов писал «ямбические стихи к своей душе», а античные философы размышляли в жанре «наедине с собой». **Симеон** пишет: «Скажи, душа моя, о чем ты печалишься, чего ищешь в (земной) жизни?.. Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? Послушай, сейчас я покажу тебе вечное богатство. Плачь, кайся, презирай все (земное), будь нищей духом и сердцем... следуй стопам (Владыки). И тогда Он, замедлив в шествии, захочет позволить тебе уловить Себя. Ты же, увидев Его, закричи и громко воскликни, а Он, обернувшись, взглянет на тебя милостивыми очами и позволит немного посмотреть на Себя, и снова, оставив тебя, скроется от глаз твоих. Тогда ты, бедная, горько заплачешь... но Он снова явится, снова озарит тебя...»^[55] Эти записи **Симеона** скорее напоминают келейный дневник монаха, который сам для себя пытается уяснить какой-то особый и сокровенный опыт, чем в строгом смысле литературное произведение. Обращение к душе подчеркивает интимный, личный характер гимна, а не является призывом к покаянию и духовному подвигу, облеченным в форму увещаний к душе, как это имеет место в Каноне преподобного Андрея Критского.

Довольно часто преподобный Симеон пользуется сравнениями и сопоставлениями тех или иных духовных феноменов с фактами повседневной жизни. В одном из гимнов душа сравнивается с лампадой; добродетель с елеем, ум с фитилем, а Божественный огонь с огнем лампы: приходит мышшь, то есть какая-либо страсть, опрокидывает фитиль-ум, вылизывает елей добродетелей, и огонь гаснет[56]. В другом гимне душа человека сравнивается с раем, украшенным «всякими прекрасными деревьями и различными плодами, цветами и благоухающими лилиями»[57]. Обращает на себя внимание обобщенность и неконкретность образа — «всякие деревья», «различные плоды». Исследователь отмечает, что это свойственно не одному Симеону: «Для византийской литературы характерны абстрактные, сущностные сравнения, в которых объект сравнения не превращается в эмоционально окрашенную, развернутую картину, но выполняет служебную роль, подчеркивая главный момент мысли... Некая гора или некая река — это сознательно деконкретизированная формула, словесное подобие условного фона византийской иконописи, но Симеону и не надо иного: в его лаконичном объекте сравнения содержится все то, что необходимо для разъяснения мысли, — и ничего сверх этого»[58].

Если автор «Духовных бесед», приписываемых преподобному Макарию Египетскому, сравнивал различные состояния души с зимой и летом, причем сначала подробно живописал зиму с суровыми ветрами и жестокими холодами, а потом лето, когда земля одевается травами, виноградники облачаются в зелень, рождаются юные ягнята, источники изливают «сладкие и прозрачные ручьи», и скачет и радуется «всякий род живности крылатой и четвероногой»[59], то у автора «Божественных гимнов» отсутствуют подробные описания природы: большинство его сравнений лаконичны и скупы. «Наш современный вкус ожидал бы большей красочности в выборе образов и их описании, — говорит Ж. Даррузес. — Но мистическое (видение) не останавливается на цветах или движении чувственной жизни, оно лишь бегло очерчивает солнце, свет, ветер, море, огонь, сцены повседневной жизни: это быстрое и поспешное видение, с самого начала обращенное к символу»[60]. Другими словами, ум преподобного Симеона, погруженный в созерцание иной реальности, не хочет спускаться на землю и рассматривать ее во всех подробностях, и его взгляд задерживается на земном лишь на краткий миг, чтобы затем вновь вознестись в горний мир.

Говоря о языке Симеона, мы должны отметить, что он далек от риторической изысканности и отличается ясностью, простотой, безыскусственностью: это повседневный язык его эпохи. Однако, это не язык «безграмотного», как называет себя сам Симеон[61], потому что его стиль выдает причастность книжной культуре, глубокую начитанность. В гимнах встречаются редкие и устаревшие слова, почерпнутые из лексикона Ветхого Завета, а также неологизмы, употребление которых нехарактерно для его времени и среды[62].

Особенностью языка Симеона является частое употребление оксиморонов — словесных пар, в которых одно слово как бы противоречит другому: «вид безвидного, количество бесколичественного»[63], «нераздельно разделяемый и непознаваемо познаваемый»[64], «видится невидимо, вмещается невместимо»[65], и других. Это не просто стилистический прием, а попытка выразить трансцендентность сущности Бога, парадоксальность тайны христианства, «неизреченность» того союза души с Богом, о котором говорится в писаниях Симеона, то есть попытка «выразить невыразимое». Подобные терминологические пары, например «незнанием и невидением увидеть и познать»[66], «пресветлый мрак»[67] и другие характерны для языка Дионисия Ареопагита и вообще для апофатического богословия, так же, как все термины, начинающиеся приставкой «не-» или приставкой «сверх-» (непознаваемый, неприступный, незримый, сверхблагой), которыми тоже пользуется Симеон.

Необходимо также отметить, что во все тексты Симеона вкраплено огромное количество цитат, парафраз, реминисценций и аллюзий из Священного Писания, причем провести четкую грань между цитатой и простым намеком или полунамеком невозможно, так как тексты редко цитируются буквально, тем более в «Гимнах», где они подгоняются под определенный стихотворный размер: «Один (Иоанн Креститель) взывает и проповедует всем, что одного ремня или ремешка обуви он не может развязать»[68], другой же (Павел), когда взошел на третье небо и после этого был взят в рай... говорил: я слышал слова, которых не могу изречь»[69], Бог же обитает в неприступном свете»[70]. В этом фрагменте 21-го гимна три цитаты, и ни одна из них не

дается буквально; очевидно, все они приводятся по памяти, и притом автор гимна добавляет лишние слова: вместо «ремня» пишет «ремня и ремешка», вместо «Бог обитает» — «Бог же обитает». Впрочем, такое отношение к тексту Священного Писания не является характерной чертой одного Симеона или особенностью поэтической речи: у большинства Святых Отцов библейские тексты чаще всего цитируются в пересказе. Это особая культура цитирования, свойственная тем эпохам, когда еще не существовало кавычек, когда одно и то же произведение надписывалось именами разных лиц или не надписывалось вовсе, когда при заимствовании чьего-либо текста — будь то отдельное выражение или целый трактат — не требовалось непременно сослаться на автора.

Вот еще один пример — описание «погони» души за «убегающим» от нее Богом: «Я не обернулся назад, не проявил нерешительности, не замедлил бег... но всеми силами стал искать Того, Кого не видел, осматривая дороги и заборы, не явится ли Он где-либо. Обливаясь слезами, я расспрашивал о Нем всех, когда-либо видевших Его... пророков, апостолов и отцов, поистине мудрых... Со слезами и великой скорбью сердца я упрашивал их сказать мне, где они некогда видели Его, или в каком месте, или как и каким образом? И когда они еще говорили со мной, я побежал изо всей силы и увидел Желанного моего»[71]. Эти необычные образы «поиска» и «погони», безусловно, отражают личный опыт святого Симеона, однако внешняя форма описания навеяла Песнью Песней: «Искала я того, кого любит душа моя, искала его и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя... Встретили меня стражи, обходящие город: «Не видали ли вы того, кого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла того, кого любит душа моя; ухватилась за него и не отпустила его»[72].

Мы видим, как любовная тематика этой библейской книги, некогда вдохновлявшая Оригена и святителя Григория Нисского на аллегорические толкования, в которых стремление женщины к своему возлюбленному было переосмыслено как стремление души к Богу, вновь отозвалась в творениях великого мистика XI века. Но говорить здесь о цитировании, так же, как и во многих других случаях, не приходится. Иногда кажется, что библейские образы не интересуют Симеона сами по себе и он воспринимает в Священном Писании только то, что созвучно его опыту. «Симеон производит впечатление человека, который не читает текст или даже фразу целиком: он воспринимает слово или образ, и этого достаточно для его в высшей степени поэтического и наделенного воображением духа», — говорит известный исследователь творчества преподобного Симеона Ж. Даррузес[73].

4. ТЕКСТ ГИМНОВ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Первым переписчиком гимнов преподобного Симеона был Никита Стифат, ставший учеником Симеона в возрасте 14 лет около 1015 года[74]. На страницах «Жития» Никита рассказывает о том, как ему было поручено заниматься переписыванием гимнов еще при жизни старца: «Пока блаженный старец был еще жив, он день и ночь описывал, вопреки своему желанию, то таинственное, что Божественный Дух доставлял его уму, ибо совершенно не было ему покоя от дышащего в нем и возбуждающего его Духа до тех пор, пока он не изложит письменно Его слова и свои внутренние переживания. Он давал мне свои черновики, а я переписывал их на листы и свитки пергамента»[75]. Незадолго до смерти Симеонотправил Никите письмо, в котором просил ученика «переписать в тетради» его сочинения, то есть заняться их изданием[76]. Однако Никита, который был еще молод и «неискусен в разумном познании» не понял просьбу Симеона и не сумел выполнить ее. Лишь спустя 16 лет он вспомнил о завещании учителя и решил заняться его рукописями[77]. Это произошло, согласно И.Озэру, около 1035 года[78].

Большая часть рукописей преподобного Симеона, как пишет Никита, хранилась в течение 13 лет у одного из почитателей Симеона, и все эти рукописи были затем переданы Никите. Ему была возвращена даже «одна небольшая рукопись, которую продали отдельно от других сочинений»[79]. Никита разыскивал все, что осталось от его духовного отца, в том числе черновики и наброски, а затем снимал с них копии. Но возникает вопрос: сохранял ли Никита в неприкосновенности авторский текст или позволял себе при переписке редактировать и «улучшать» его? Каков объем редакторского вмешательства Никиты в текст Симеона? Ответить на этот вопрос определенно вряд ли удастся, так как до нас не дошли ни автографы Никиты, ни, тем более, автографы Симеона: самые ранние из имеющихся манускриптов относятся к XIII в., и лишь один

21-й гимн сохранился в рукописи XII в. [80] Сам Никита ответил бы на поставленный вопрос отрицательно — он называет себя только переписчиком-копиистом. Как бы в подтверждение точности переписки он рассказывает о видении своего ученика Иоанна, который однажды ночью увидел преподобного Симеона, в то время давно скончавшегося: Симеон стоял возле Никиты, переписывающего его рукопись, указывал рукой на отдельные места текста и объяснял их [81]. Если это свидетельство Никиты не может служить гарантией точности его переписки, то оно, по крайней мере, убеждает в том, что он не стремился сознательно исказить текст.

Мнения исследователей по поводу объема редакторской работы Никиты Стифата расходятся. Архиепископ Василий считает, что корпус сочинений Симеона, вышедший из-под пера Никиты, «во многом отличается» от предыдущих изданий [82]. Известно, что Никита находился под большим влиянием Дионисия Ареопагита — это влияние просматривается во всем, что он написал: в его трактатах «Омысленном рае», «Об иерархии», «О душе» [83], в трех сотницах «Деятельных, естественных и гностических глав» [84], а также в «Житии» Симеона и в предисловии к его Гимнам. В предисловии Никиты имеется девять цитат из Ареопагитского корпуса, восемь из трактата «О Божественных именах» и одна из «Церковной иерархии» [85]. Заглавие сборника Гимнов, данное Никитой, тоже отмечено влиянием Дионисия, о чем говорилось выше. На основании этого исследователи предполагают, что Никита должен был приводить текст Симеона в большее соответствие с доктриной и терминологией Ареопагита. Б. Френо-Жюльен обращает внимание на то, что во второй части центурий Симеона встречается больше терминов Дионисия, чем во всех остальных произведениях Симеона вместе взятых. Он не исключает «редакторскую работу» Никиты, однако оговаривается, что прямо доказать подстановку со стороны последнего нельзя [86].

Все же мы должны констатировать, что попытки определить объем вмешательства Никиты в текст Симеона являются не более, чем гипотезами, так как текстологических свидетельств этого вмешательства нет и разговор о нем является беспредметным. Нам кажется, что благоговейное отношение к своему учителю не позволяло Никите Стифату вносить существенные исправления в текст его сочинений, за исключением, может быть, явных опечаток или некоторых (хотя далеко не всех) ритмических неровностей.

Что касается дальнейшей судьбы рукописного наследия Симеона, то можно говорить о постепенной трансформации текста вплоть до первого печатного издания в 1790 году. В руках Кодера оказалась рукопись, датированная 1105 г. и содержащая, помимо произведений Максима Исповедника, которые составляют ее основную часть, еще и 21-й гимн Симеона [87]. Если учитывать, что Никита Стифат умер около 1090 года [88], то эту рукопись отделяет от его жизни не более четверти века. Кодер, сравнивая текст 1105 г. с текстом XIII в., отмечает довольно существенные исправления, сделанные переписчиком XIII в. Все они в основном касаются метрики гимна. Если во многих стихах Симеона акценты проставлены нерегулярно, то переписчик XIII в. так трансформирует текст, чтобы максимально приблизить политический стих Симеона к «нормальному типу». Эта тенденция, по замечанию исследователя, к концу византийского периода «приведет к утомляющей монотонности политического стиха» [89]. Переписчик также стремится скрупулезно соблюдать цезуру на 5-ом слоге, тогда как у Симеона она бывает и на других слогах.

Таким образом, уже к XIII в. текст Симеона претерпел эволюцию в сторону улучшения метрики. Изменения и исправления вносились в текст и позднее, причем они касались не только метрики: переписчики-редакторы исправляли те места, которые смущали их или догматической смелостью, или слишком большой откровенностью. Некоторые стихи переписчики вообще исключали из текста [90], а иногда добавляли что-либо от себя. В рукописях XIV в. текст гимнов сопровождается схолиями, которые иногда выносятся на поля, а иногда интерполируются в самый текст [91].

В силу указанных недостатков рукописной традиции первое печатное издание Гимнов 1790 г. оказалось очень несовершенным в текстологическом отношении, к тому же Дионисий Загорейский, как было отмечено, и сам приложил руку к редактированию сочинений Симеона. Поэтому только критическое издание «Гимнов», осуществленное выдающимся современным византологом И. Кодером в 1969-73 гг. (SC 156, 174 и 196),

восстанавливает тот вариант текста, который максимально приближается к подлиннику преподобного Симеона.

5. О СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕВОДЕ ГИМНОВ ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА

Как мы уже отмечали, «Божественные гимны» не были задуманы их автором как единое целое, но каждый из них представляет собой самостоятельное литературное произведение. При жизни Симеона они не были собраны в одну книгу: их собрал, отредактировал и опубликовал Никита Стифат через 16 лет после смерти своего учителя [92]. Гимны отличаются один от другого по своей художественной ценности: некоторые из них можно назвать настоящими поэтическими шедеврами и поставить в один ряд с лучшими достижениями не только византийской, но и мировой поэзии, другие по сути являются богословскими трактатами, затрагивающими догматические темы, но изложенными в стихотворной форме. Буквальный прозаический перевод, каким является перевод иеромонаха Пантелеимона (Успенского), прекрасно воспроизводит богословскую терминологию греческого подлинника, что необходимо для гимнов второй категории, однако он не может воспроизвести «дыхание и трепетное биение» [93] стиха, то есть его ритмические и другие особенности, без которых перевод гимнов первой категории превращается в сухой и лишенный поэтической красоты подстрочник. Отсюда естественное желание перевести некоторые гимны преподобного Симеона в стихах: мы, однако, выбирали для этой цели только те гимны, которые, как нам казалось, представляют наибольшую художественную ценность. Предлагая вниманию читателя настоящий перевод избранных гимнов преподобного Симеона, мы имели целью подчеркнуть, что Симеон является не только одним из величайших святых и богословов Православной Церкви, но и выдающимся поэтом, воспевавшим не человеческую любовь и не земную красоту, но нетленную и невыразимую красоту бессмертного Бога, Которого он узнал так явственно и так близко.

При переводе гимнов мы не стремились во всех случаях сохранить стихотворный размер оригинала, так как это и невозможно — из трех размеров, употребляемых Симеоном, только анакреонтический восьмисложник поддается адекватному воспроизведению средствами русского стиха:

Pos kai pyr hyparcheis blyzon,

Pos kai hydor eis drosizon,

Pos kai kaieis kai glykaineis,

Pos fthoran exafanizeis?

Как Ты пламенем горящим

И водой живой бываешь?

Услаждая, как сжигаешь?

Как от тленья избавляешь? [94]

Двенадцатисложный ямбический триметр средствами русского силлабо-тонического стихосложения воспроизвести не удастся — в лучшем случае можно добиться эффекта стилизации. Поэтому переводчики обычно ищут другие средства для передачи ритмического характера оригинала. С.Аверинцев, например, передает этот размер так:

Monachos, hostis amyges esti kosmo,

kai aenaos homilei Theo mono,

blepon blepetai kai filon fileitai...

Монах есть тот, кто, с миром не связуемый,

С одним лишь Богом вечно беседуя,

И зрящ, и зрим, и любящ, и возлюблен Им... [95]

Мы переводим в другом ритме:

Монах есть тот, кто миру непричастен,

Кто говорит всегда с одним лишь Богом,

Кто, видя Бога, сам бывает видим,

Любя Его, он Им любим бывает...

В обоих случаях ямбический **триметр Симеона** воспроизводится средствами русского пятистопного ямба, причем **С.Аверинцев** сохраняет количество слогов в строке, однако использует дактилическое окончание — **пропарокситон**, то есть акцент на 3-й слог от конца, что у **Симеона** встречается лишь в виде исключения. У нас в строке 11 слогов, но сохраняется характерное для всех стихов **Симеона** парокситоническое ударение на предпоследний слог.

Что же касается политического 15-сложника, то он на слух воспринимается как ритмизованная проза:

Easate te kelle me monon egkekleismenon,

Afete me meta Theou tou monou finalthropou...

Оставьте меня одного заключенным в келье;

Отпустите с одним человеколюбивым Богом...[\[96\]](#)

Мы, однако, переводили политический стих **Симеона** в большинстве случаев русскими силлаботоническими размерами.

Вообще же нужно отметить, что единого принципа или шаблона для перевода византийской поэзии на русский язык не существует. Античные стихотворные размеры, унаследованные византийской поэзией, основывались на чередовании долгих и кратких гласных: подобного явления русский язык не знает. Хотя в эпоху **Симеона** это различие между долгими и краткими гласными уже не воспринималось на слух, тем не менее по своей природе византийский стих остается отличным от русского, основанного на чередовании ударных и безударных слогов. Размер большинства гимнов **Симеона**, за исключением анакреонтического **восьмисложника**, заметно приближающегося к силлаботонике, можно передать на русском языке только при помощи искусственной стилизации, которая звучала бы архаично и тяжеловесно. Художественный эффект от подобных имитаций «размера подлинника» бывает весьма сомнительным[\[97\]](#). Во всяком случае мы стремились, чтобы стихи преподобного **Симеона** не воспринимались как музейный экспонат и чтобы его голос звучал живо и естественно, как он звучал для его современников.

[\[1\]](#) Vie 37, 8-14.

[\[2\]](#) Vie 111, 1-10.

[\[3\]](#) Vie 134, 37-38.

[\[4\]](#) *B.Krivochéine*. SC 96, 57.

[\[5\]](#) *J.Koder*. SC 156, 76.

[\[6\]](#) Ibid.

[\[7\]](#) *J.Koder*. SC 156, 75.

[\[8\]](#) Ibid, 77.

[\[9\]](#) Н. 19, 1-2.

[\[10\]](#) Н. 19, 64-67.

[\[11\]](#) См. Н. 33, 70; Н. 33, 45; Н. 27, 84, и др.

[\[12\]](#) Н. 35, 27-28.

[\[13\]](#) *Никита Стифат*. Предисловие 67. SC 156, 112.

[\[14\]](#) Там же 1-18. SC 156, 106.

[\[15\]](#) Там же 301-304. SC 156, 134.

[\[16\]](#) См. PG 3, 713 AD.

[\[17\]](#) Н. 57.

[\[18\]](#) Н. 17.

[\[19\]](#) Н. 21.

[\[20\]](#) Vie 111, 3-4.

[\[21\]](#) *Иеромонах Пантелеимон (Успенский)*. Предисловие к книге: Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С.111.

[\[22\]](#) *J.Koder*. SC 156, 82.

[\[23\]](#) См. Н. 20, 97; 21, 474; 45, 24.

- [24] *J.Koder*. SC 156, 78.
- [25] *Vie* 37, 12.
- [26] *J.Koder*. SC 156, 82.
- [27] *Ibid.*, 84.
- [28] См., например, *P.Maas*. *Der Byzantinische Zwölfsilber* // *Byzantinische Zeitschrift* 12. München, 1903. S.278.
- [29] *J.Koder*. SC 156, 85.
- [30] *Ibid.*, 82.
- [31] *Ibid.*, 87.
- [32] Император Константин VII Багрянородный (913-959) — третий представитель Македонской династии на византийском престоле. Годы его правления ознаменованы подъемом культуры, расцветом изобразительного искусства (т.н. македонский ренессанс).
- [33] *В.Асмус*. Гимны преп. Симеона Нового Богослова в богослужебных книгах Русской Православной Церкви // Доклад на 3-й международной научной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси. Л., 1988.
- [34] *J.Koder*. SC 156, 92-93.
- [35] См., в особенности, Н. 30, 450-462.
- [36] *С.Аверинцев*. Христианская апофатика у греков и сирийцев: два подхода к литературной разработке духовной темы // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. Т.1. М., 1991. С.87.
- [37] Н. 3, 7.
- [38] Н. 14, 1.
- [39] Н. 19, 1-2.
- [40] Н. 1, 2-3.
- [41] Ср. Деян. 2:1-11.
- [42] *J.Koder*. SC 156, 79.
- [43] См. Н. 44, 232; Н. 23, 485 и др.
- [44] Н. 15, 193.
- [45] Н. 15, 165.
- [46] Н. 30, 9.
- [47] Н. 30, 542.
- [48] Н. 30, 503-504.
- [49] Н. 44, 232.
- [50] Н. 21, 118.
- [51] Н. 19, 41-44.
- [52] Н. 28, 76.
- [53] Н. 30, 11-15.
- [54] Славянский текст см. в: Триодъ постная. Т.1. М., 1974. С.92.
- [55] Н. 48, 73-108.
- [56] Н. 30, 62-110.
- [57] Н. 47, 12-14.
- [58] *А.Каждан*. Византийская культура (X-XII вв.). М., 1968. С.190.
- [59] *Макарий Египетский*. Новые духовные беседы. М., 1990. С.26.
- [60] *J.Darrouzès*. SC 51, 30.
- [61] Н. 3, 16.
- [62] *J.Koder*. SC 156, 79.
- [63] Н. 29, 235-236.
- [64] Н. 2, 92-94.
- [65] Н. 18, 41.
- [66] PG 3, 1025 A.
- [67] PG 3, 997 A.

- [68] Ср. Лк. 3:16.
- [69] Ср. 2 Кор. 12:2-4.
- [70] Н. 21, 280-281. Ср. 1 Тим. 6:16.
- [71] Н. 29, 81-115.
- [72] Песн. 3:1-4.
- [73] *J.Darrouzès*. SC 51, 33-34.
- [74] Vie 135, 23-24.
- [75] Vie 131, 6-13.
- [76] Vie 132, 1-26.
- [77] Vie 133, 5-6.
- [78] Vie: Introduction par I.Hausherr, XXIII.
- [79] Vie 140, 7-12.
- [80] См. *J.Koder*. SC 156, 47.
- [81] Vie 150, 1-27.
- [82] *B.Krivochéine*. SC 96, 62.
- [83] SC 81.
- [84] PG 120, 851-1009.
- [85] См. *J.Koder*. SC 156, 57-61.
- [86] *B.Fraigneau-Julien*. Les sens spirituels et la vision de Dieu selon Syméon le Nouveau Théologien. Paris, 1985. P.181.
- [87] См. *J.Koder*. SC 156, 32.
- [88] Vie: Introduction par I.Hausherr, XC.
- [89] *J.Koder*. SC 156, 92-93.
- [90] Ibid., 70.
- [91] Ibid., 68-69.
- [92] *B.Krivochéine*. SC 96, 59.
- [93] *Иеромонах Пантелеимон (Успенский)*. Предисловие, XII.
- [94] Н. 6, 1-4.
- [95] Н. 3, 1-3. Перевод С.Аверинцева см. в книге: Византия и Русь. М., 1989. С.127.
- [96] Н. 27, 1-2.
- [97] Приводим мнение известного переводчика [Г.Шенгели](#) по поводу целесообразности сохранения размера подлинника при переводе на русский язык: «Решение вопроса о стихе, несомненно, не может быть однозначным... Размером подлинника удается переводить стихи той же стиховой природы, что и русские: английские, немецкие, голландские, скандинавские, болгарские, украинские, белорусские. Весь же квантитативный стих, вся **силлабика**... допускают лишь условную интерпретацию. Но возьмем родственные русскому языку системы. Спрашивается: *зачем* в переводе нужен размер подлинника? Какой *художественный эффект* достигается его применением? Продуманного ответа на эти вопросы я до сих пор не встречал. Размер, тот или иной, сам по себе эстетически нейтрален: одним и тем же размером пишут вещи, диаметрально противоположные по жанру, по содержанию, по манере, по тону. Вдобавок, размер — понятие обобщающее; реально существует *ритм*: данное сочетание вариаций метра в неразрывном единстве с интонацией, которая, в свою очередь, определяется смысловым и эмоциональным рельефом речи. А это уже невоспроизводимо». Исходя из этих предпосылок, [Г.Шенгели](#) предлагает использовать гибкий метод «функционального подобия». Переводчик должен учитывать «место, занимаемое стихом оригинала в общей стиховой традиции данной литературы», а также учитывать русскую поэтическую традицию. «Но главное — учитывается *характер* данной стиховой конструкции: медлительность, тяжеловесность, стремительность, легкость, закругленность, прерывистость, наличие перебросов (*enjambements*), ритмических контроверз... И вот этот *характер* должен быть воспроизведен *средствами русского языка*... Если это удастся в размере подлинника (в прямом или

условно-традиционном разрешении), тем проще; если нет — изберем любой размер, позволяющий такое воссоздание». *Г.Шенгели*. О моей работе // «Литературная учеба», №6. М., 1990.Сс.171-172).